Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 54 2006 г. По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

В НОМЕРЕ:

НА СЛОВАХ ЛИ ТОЛЬКО МЫ ХРИСТИАНЕ?
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«О Евангелии»

ДИВНЫЙ МОНАХ

БОЯТЬСЯ ПОДМЕНЫ

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с кавказским пустынником: «О современном монашестве»

В ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

С КРЕСТОМ И ЕВАНГЕЛИЕМ
Из воспоминаний о старице схимонахине Антонии

ЗНАМЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ВОЗРОЖДАЕТСЯ
«Восставший из руин»

О КРЕСТНОМ ЗНАМЕНИИ
Свт. Иоанн Златоуст

ЖИВАЯ ВОДА ПРОМЫСЛА БОЖИЕГО
«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

КРОТОСТЬ СПАСАЕТ

КУДА СВЕЧКУ СТАВИТЬ?

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ
и другое...

Те, кто с верою и любовью поклоняются кресту, знают присущую ему силу и пользуются ею для победы над диаволом.

Святитель Иоанн Златоуст

На словах ли только мы христиане?

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь. 7 мая 2006 г.

Сегодня мы прославляем жен-мироносиц. Этот день — праздник всех православных женщин.

«Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...», — так воспели поэты русскую женщину. Но что сейчас стало с нашими женщинами? Мужчины опустились: ходят пьяными, оборванными, неумытыми — и женщины, глядя на них, тоже стали какими-то безвольными, инертными, будто впали в спячку. Да, лежать легче, нежели стоять. Но вспомните, что человек является венцом всего, что Господь сотворил на земле — и вдруг мы — такие униженные, оскорбленные, брошенные, оставленные, поникшие, опустившиеся! Нужно бороться. И не только за свои души, но и за души своих родных и близких, за семью, за мужа. А то мужа уводят от жены, а она не борется. Где же ваша энергия? Почему вы не стараетесь сохранить свой семейный очаг, не желаете бороться?

А как, спросите вы, нужно бороться? Молиться. Нужно молиться Господу о муже, жаловаться Ему, плакать, просить Его, Матерь Божию и святых, чтобы помогли.

Но некоторые предпочитают идти по другому пути: «Как бы я хотела принять монашество!..» Ну и что? Ушли из семьи, приняли монашество — а сами какими были, такими и остались: ни молитвы, ни смирения, только еще больше война идет — не против диавола, мира и плоти, а, наоборот, против человека, который носит в себе образ и подобие Божие!

Вспомните жен-мироносиц. Они ходили за Господом и кормили Его, *служили Ему от имений своих* (ср. Мк. 15, 41; Лк. 8, 3). И когда Божественного Учителя повели на Голгофу, они также были неподалеку. А потом они пришли рано утром ко Гробу, чтобы помазать тело

Христово благовонными мастями. И первым Господь по воскресении явился не кому-то из апостолов, а женам-мироносицам, Марии Магдалине, которую впоследствии нарекли равноапостольной. Так стали называть и всех тех, кто насаждал православную веру, возвещал истину Христову. Равноапостольная Елена, равноапостольная княгиня Ольга, равноапостольная Нина, просветительница Грузии — посмотрите, сколько жен, как они стойко стояли за веру Православную!.. Мы же не принимаем никаких мер и только ходим — плачемся от бессилия, может, и ругаемся, и сквернословим, оправдываясь тем, что ничего у нас не выходит. А нужно обратиться к Богу — чем чаще будем ходить в храм, чем больше будем молиться, тем скорее у нас будет налаживаться в семье, тем лучше будут наши отношения друг с другом.

Нужно стремиться быть подобными равноапостольным, преподобным и праведным женам. А мы сейчас какими стали? Немощными, слабыми, бездеятельными. Плюс ко всему у нас еще постоянное страхование: «А вдруг начну молиться — и что-то со мной случится? А вдруг заболею? А вдруг демон за это на меня будет сильнее нападать?» Да что бы мы ни делали, хоть вообще ничего не станем делать — все равно бес будет нападать, потому что мы ненавистны ему, т.к. мы — создания Божии, мы крестились во Христа, мы — христиане.

И наша жизнь — борьба. Кто уклоняется от этой борьбы, тот не хочет получить награду. Если человек оделся в монашескую одежду, это еще не значит, что он уже спасен. *Вера без дел мертва* есть (Иак. 2, 20), как и дела без веры. А дела наши, которые мы должны совершать — это молитва, ревность по Богу, приобретение христианских добродетелей, борьба за спасение не только своей души, но и душ своих близких. Но чтобы привести семью к Богу, мы должны являться для нее примером — лишь тогда есть вероятность, что мы своих родных как-то немножко «раскачаем», выведем из греховной спячки.

Господь, живя на земле, *не имел, где главы подклонить*

(ср. Мф. 8, 20; Лк. 9, 58), где переночевать, Его постоянно искушали, искали убить... Три с половиной года жизни Спасителя не сравнятся с целой нашей жизнью! Сколько Он перенес испытаний! А у нас малейшая обида, клевета, возводимая на нас, болезнь — так сразу начинаем плакать, кричать, мстить, ругать. И не подумали: может быть, это все подается нам от Господа, чтобы испытать нас, на что мы способны, чтобы познать самих себя — на словах ли только мы христиане или и дела имеем христианские?

А мы должны быть настоящими христианами везде: в молитве, в делах, в отношениях с людьми, в послушаниях. Мы должны буквально гореть христианскими добродетелями, чтобы, глядя на нас, и другие увлекались. Но мы — теплохладные. «*Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих*» (см. Откр. 3, 15-16), — говорит Господь. Мы приходим в храм, отстояли два-три часа — вышли, проветрились, опять зашли, побыли еще немного... Ко Святому Причастию идем без всякого страха, без трепета! Подумали бы: «Я соединяюсь с Богом — достойно ли?! Как это Тело и Кровь Христовы не опалят меня за мою скверную, нечистую жизнь?!» Нет, мы подходим, да еще с брезгливостью открываем уста!.. В результате для души-то ничего не приобретаем.

А жизнь идет. Часы отсчитывают минуты, часы, дни, года. Но мы их упускаем. А потом уже, может быть, и рады бы зажечь себя, но и годы не те и болезни... Да, мы приходим в старости ко Господу. Начинаем молиться, просить, но в основном начинаем каяться. Почему? Да потому, что юность прожили не по-христиански. Мы виноваты в том, что тот чистый огонек, заряд бодрости, энергии был растрачен на что угодно, только не на спасение души. В молодости нам было не до Бога. У нас был свой бог — мир, им мы жили, им увлекались. Да и сейчас зачастую больше трудимся не для спасения души, не ради семьи, а для получения мирских наслаждений и утех. Как-то незаметно подошли годы, и уже скоро должны позвать нас из этого мира в вечность. С чем пойдем? Всю жизнь были теплохладными, горение растратили только на скотские удовольствия — вот в миру-то мы горели, там мыслили, строили планы: как? что? куда? — бодрый такой был настрой, кипучая деятельность, заодно старались и других увлечь, втянуть в скверну и порок. Да, в то время мы горели...

А сейчас что мы можем сказать? Служим ли мы теперь Господу от имений своих, т.е. имеем ли христианские добродетели — молитву, послушание, пост, смирение, кротость, терпение? Нет. Мы досадуем, мы раздражаемся: «Все мешают, выводят из себя, не дают работать! А мне нужны деньги, нужно много средств, чтобы жить «на широкую ногу», пить, есть, веселиться! А Бог? Если верить в Бога, нужно молиться, класть поклоны, ходить в храм, постоянно понуждать себя к тому, что делать не хочется. Начнется сумрачная, невеселая, безрадостная жизнь. А нам хочется радоваться!..» Но вы не знаете, какая радость бывает, когда человек достойно соединяется с Богом! Все земные радости — ничто, одна горечь по сравнению с той радостью, которая бывает тогда на сердце у человека!..

Да, мы часто всех обвиняем — только не себя. Я как-то раз уже приводил вам пример из жития преподобного Ефрема Сирина: когда он попал в тюрьму по ложному обвинению, то сидел там и думал: «Я ведь не крал овец — за что же меня здесь держат?!» И был ему голос: «А ты подумай — может, есть за что?» И он вспомнил: как-то у вдовы открыл калитку двора, ее корова ушла в лес, и там растерзали ее волки...

В наше время нередко бывает, что женщина возмущается: «В чем я виновата, что семейная жизнь не сложилась?! Я старалась, стремилась!.. Виноваты муж, дети». Но ты делала аборты? Ты — убийца. Предохраняешься от детей? — Тоже убийца. «Почему муж запил? Виноват он — пьяница, такой-сякой!..». А не подумала, что сама спровоцировала его на это? Тебе не нужно было детей — и ты нашла себе оправдание: «Да, Бог благословил: «*Раститеся и множитеся*»[1], — а чем бы я стала их кормить? Работы нет... Как я могу рожать, когда мы не выживем?» Как будто мы кормим своих детей! — Господь их растит, а не человек, наша жизнь всецело зависит от Бога. Но мы не думаем об этом, обвиняем всех и вся, кроме себя...

Поэтому просмотрите каждый свою жизнь, найдите причину разрушения семьи и постарайтесь исправиться, хотя бы грех и давно был совершен — покаяться все равно нужно.

Всех женщин, присутствующих здесь, призываю, чтобы они хранили свой домашний очаг, чтобы они были прекрасными, таинственными, чтобы каждый раз супруги находили в них что-то новое, неизведанное. Я не имею в виду кокетство или какие-то другие греховные приманки — я говорю о том, что человек, который связан с Богом, всегда является особым, и в нем — особая таинственность, он в тайне живет. Часто бывает так, что мы думаем, будто знаем этого человека, потому что видим его каждый день, он постоянно вместе с нами — и вдруг его жизнь раскрывается с другой стороны, он представляется совсем другим — и мы удивляемся: мы не ожидали!..

Поздравляю вас с праздником и призываю на всех Божие благословение!

---

[1] «...И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1, 28).

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово семнадцатое

О Евангелии

Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее. (Лк. 19, 10)

Возлюбленные христиане! Нет ничего нам, грешным, приятнее, любезнее и слаще, чем Евангелие. Не так благоприятен алчущим хлеб, жаждущим – питье, плененным и сидящим в темнице – свобода, как грешникам, познающим свое бедствие, – Евангелие. *Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее* (Лк. 19, 10). Это сладчайший голос Евангелия. Кто Он, Сын Человеческий? Это Сын Божий, Царь Небесный и Сын Царя, Отцом Своим Небесным к нам посланный, восхотевший ради нас назваться Сыном Человеческим. Ради чего Он пришел? Взыскать и спасти нас, погибших, и привести в вечное Свое царство. Что может быть нам, погибшим, благоприятнее и вожделеннее этого?

Но посмотрим, что такое Евангелие, чего оно от нас требует и кому оно проповедуется?

1) Евангелие, по самому названию – всерадостная весть. Оно проповедует всему миру Христа, Спасителя мира, *Который пришел взыскать и спасти погибшее.*

Слушайте, все грешники погибшие, слушайте сладчайший голос Евангелия! Оно обращается ко всем нам: *Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.*

Страшно нам быть в грехах пред Богом – Евангелие проповедует, что грехи нам отпускаются ради имени Христа и что Христос есть наше оправдание перед Богом. В Тебе, Спаситель мой, Иисусе, Сыне Божий, оправдаюсь, Ты моя правда и освящение.

Страшно нам быть под гневом Бога – Евангелие проповедует, что Христос нас примирил с Богом и, *придя, благовествовал всем мир, дальним и ближним* (Еф. 2, 17).

Страшна нам клятва законная, ибо что все мы грешники. Она подвергает грешника и временному, и вечному наказанию. Евангелие же проповедует, что Христос *искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою* (Гал. 3, 13).

Страшна нам смерть – Евангелие проповедует, что Христос есть наше воскресение и жизнь.

Страшна нам геенна и ад – Евангелие проповедует, что Христос избавил нас от ада и всего того бедствия.

Страшно нам отлучиться от Бога и вечного Его царствия – Евангелие проповедует, что *всегда с Господом будем* (1 Фес. 4, 17) в вечном Его царствии.

Это благословенные христиане, сладчайший голос Евангелия. Итак, *вкусите и видите, как Благ Господь* (Пс. 33, 9)! *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через Него. Верующий в Него не судится* (Ин. 3, 16-18). *Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой, и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего* (Лк. 1, 68-69).

2) От нас требуется, христиане, чтобы мы эту небесную и сладчайшую весть, с неба присланную, благодарно приняли, и Бога, Благодетеля нашего, даром так нас помиловавшего, всегда от чистого сердца благодарили, и Ему от благодарности святое послушание и угождение оказывали. Ибо сама совесть увещевает и убеждает нас быть благодарными к благодетелю. Возлюбил Он нас, недостойных, – возлюбим и мы Его, достойного всякой любви. Любовь требует не оскорблять любимого. Всяким грехом Бог оскорбляется. Уклонимся от всякого греха, и сотворим святую волю Его, и не оскорбим Его, столь Милостивого нашего Отца и Благодетеля. *Отче наш, Иже еси на Небесех! Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли,* – и прочее (см. Мф. 6, 10).

3) Кому проповедуется Евангелие? Христос нам отвечает: *Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем* (Лк. 4, 18). То есть тем людям, которые, познавая свои грехи, видят свою нищету, бедность и окаянство, и имеют сердце, сокрушенное страхом суда Божиего и печалью. Таковым Евангелие и проповедуется, как прилагается изъязвленному телу живительный пластырь.

Слушайте, печальные и сокрушенные души, слушайте пресладкий голос Евангелия: *Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.* Этот живительный пластырь пресладкого Евангелия к изъязвленным душам нашим прикладывайте, этим спасительным врачевством исцеляйте сокрушенные ваши сердца.

Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее. Взыщет и спасет и вас, поскольку и вы из тех, которых Он пришел взыскать и спасти. Признаете и исповедуете себя грешниками пред Богом — отпускаются и вам грехи ради имени Христова. Каетесь за грехи и *печаль ради Бога* (2 Кор. 7, 10) имеете — готово и вам спасение от Бога. Ибо *верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый* (1 Тим. 1, 15). Святой Дух говорит вам через Своего служителя: *Жертва Богу дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Эту жертву кающееся и сокрушенное сердце приносит Богу, и она для Него приятнее всякого приношения. На такую жертву милостиво смотрит Бог и ниспосылает Свою благодать (см. Ис. 66, 2).

Отсюда видишь, христианин, что Евангелие не полезно тем христианам, которые безстрашно и беззаконно живут, своих грехов, нищеты и бедствия своего не познают и сокрушенного сердца не имеют. Ибо какая польза камню от елея? Пластырь к ране прилагается, и врачевание подается познающему и признающему свою немощь. Таким людям говорится: *Покайтесь, сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смех ваш да обратится в плач, и радость — в печаль. Смиритесь пред Господом, и вознесет вас* (Иак. 4, 9-10). И еще: *Уже и секира при корне деревьев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь* (Мф. 3, 10).

Грешники! Убоимся Страшного Суда Божиего, и постараемся иметь сердце сокрушенное и смиренное, чтобы и нам от Евангелия, как от спасительного источника, черпать живую воду прохлады и утешения, и души наши напоевать, и так получить вечную жизнь о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему же будет слава со Отцом и со Святым Духом во веки веков. Аминь.

Схимонах Силуан. Фото из паспорта.

Памяти преподобного Силуана Афонского посвящается:

ДИВНЫЙ МОНАХ

Некролог написан святителем Николаем Сербским Велимировичем вскоре после преставления преподобного Силуана в 1938 г.

Об этом дивном монахе можно сказать лишь одно — сладостная душа. Сладостность этой души ощутил не только я, но всякий и паломник Святой Горы, который общался с ним. Силуан был высоким, крупным, с большой черной бородой, и своим внешним видом не сразу привлекал незнакомого человека. Но одного разговора с ним было достаточно, чтобы человек его полюбил.

— Господь нас неизреченно любит, — говорил каждому отец Силуан. — О, как Он нас любит!

И при этих словах глаза его всегда наполнялись слезами. Они были красны от слез. Больше всего он говорил о любви Божией к людям. Когда кто-нибудь жаловался ему на свою скорбь либо искушение, Силуан утешал и подбадривал его словами о любви Божией:

— Знает Господь, что ты страдаешь, но Его любовь согреет тебя, как солнце греет землю. Не бойся, это для твоего же блага.

Он не был строг к чужим грехам, как бы велики они ни были. Он

говорил о безмерной любви Божией к грешнику и приводил грешного человека к тому, чтобы тот сам себя строго осудил. «Если бы мы перестали роптать на Бога, то не стали бы осуждать и Его творения, в особенности людей», — говорил Силуан, и глаза его наполнялись слезами. «Но мы ропщем на Него за все тяготы жизни, а потому осуждаем и Его творения. Мы ропщем на Бога, потому что не чувствуем Его любви. Так и со мною было. Шел я однажды из монастыря в Дафни. Сбился с пути и заблудился в самшитовых кустах. Темнота покрыла землю. Я разозлился. И прежде всего рассердился на Бога и крикнул:

— Господи, разве Ты не видишь, что я заблудился и пропадаю. Спаси меня!

И вдруг услышал голос:

— Иди все время направо!

Душа затрепетала во мне. Нигде ни души. Я пошел и шел все время направо, пока не вышел к Дафни. Всю ту ночь я проплакал. Ощутил тогда я живое присутствие Бога и испытал Его любовь ко мне, недостойному. С этого времени не дал я уже ничему встать между мною и любовию Божией».

Еще рассказывал нам Силуан об одном молодом человеке, школьнике, который пришел на Святую Гору «искать Бога». Он не сказал игумену, что не верит в Бога, а только о своем желании остаться на несколько месяцев в монастыре ради отдыха и духовной пользы. Игумен передал его одному духовнику для попечения. Юноша сразу сказал священнику на исповеди, что он не верит в Бога и пришел на Святую Гору в поисках Бога. Духовник рассердился на молодого человека и сказал:

— Как страшно не верить в Бога Творца! Безбожникам не место в монастыре.

Юноша приготовился покинуть монастырь. Но тут его встретил отец Силуан и стал с ним разговаривать. Молодой человек поведал ему о своих муках и о том, что привело его на Святую Гору. Отец Силуан очень доброжелательно ответил ему:

— Это не страшно. Так обычно бывает с молодыми людьми. Это и со мной было. В юности я колебался, сомневался, но любовь Божия просветила мой ум и умягчила сердце. Бог тебя знает, видит и безмерно любит. Со временем ты это почувствуешь. Так и со мной было.

Калибка (келья), сооруженная преподобным Силуаном на Старом Русике

После этого разговора начала крепнуть у юноши вера в Бога, и он остался в монастыре.

Один монах пожаловался отцу Силуану на помыслы, что не может спастись на Святой Горе, и потому решился он оставить монастырь и уйти в мир. Отец Силуан ответил так на его жалобу:

— И ко мне приходили такие же мысли. Но я молился Богу о помощи; сильно молился. И любовь Божия послала мне такие мысли: если столько святых угодили Богу и спасли свои и чужие души на Святой Горе, то почему ты не можешь?

Другой пожаловался ему, что игумен монастыря не любит его.

— А ты люби его, — ответил ему отец Силуан, — молись усердно за своего игумена каждый день и повторяй: «Я люблю моего игумена, я люблю моего игумена»; и когда в тебе разгорится любовь к игумену, он начнет тебя любить.

Этот дивный духовник был простой монах, но богач в любви к Богу и ближним. Сотни монахов со всей Святой Горы приходили к нему, чтобы согреться огнем его пламенной любви. Но особенно сербские монахи из Хиландаря и Постницы любили отца Силуана. В нем они видели своего духовного отца, который возрождал их своей любовию. И все они теперь глубоко чувствуют боль расставания с ним. И долго, долго будут помнить они любовь отца Силуана и его мудрые советы.

И мне отец Силуан очень много духовно помогал. Я чувствовал, что он молится за меня Богу. И его молитва укрепляла меня. Всякий раз, когда бывал я на Святой Горе, спешил повидаться с ним. В монастыре он нес трудное послушание. Он заведовал складом, и в его ведении находились ящики, сундуки, мешки и все то, чем был наполнен магазин. Говорили мы с ним о том, что русские монахи очень возмущаются против тирании, которую учинили большевики над Церковью Божией в России. И вот что сказал он:

— И я сам вначале очень возмущался этим, но после долгой молитвы пришли ко мне такие мысли: Господь всех безмерно любит. В Его ведении все времена и причины всего. Ради какого-то будущего блага Он допустил это страдание русского народа. Я не могу этого понять и не могу остановить. Мне остается только любовь и молитва. Так я буду говорить и с возмущенной братией. Вы можете помочь России только любовию и молитвой. А возмущение и злоба на безбожников не поправят дела. Аминь.

«Преподобный Силуан Афонский». Святая Гора Афон: Русский Свято-Пантелеимонов монастырь, 2004.

Бояться подмены

Без преувеличения можно сказать, что мы живем в новую эпоху, эпоху информационной революции и новых технологий, небывалых демократических свобод и небывалого духовного рабства, когда грех и преступление не только не встречают должного сопротивления, но, пользуясь демократической системой, захватывают власть во всем мире. Это эпоха невиданных переселений народов во всем мире, эпоха новых войн и небывалой доселе власти денег. Наконец, это эпоха новой морали, потому что на наших глазах исчезают понятия о совести, чести, стыде, верности, любви. А то, что в христианстве называется грехом и преступлением, теперь – естественная норма жизни, «реализация прав человека».

Вся эта новая жизнь становится полем деятельности современного пастыря...

Соблазн теплохладности

Одним из особенно опасных искушений нашего времени является соблазн либерального христианства, конформизма, соглашательства, теплохладности, которые богословски и теоретически обосновываются и оправдываются. Здесь предается забвению важнейший принцип христианского устроения сердца, высказанный Самим Господом Иисусом Христом: «*Кто не берет креста своего и следует за Мною, не достоин Меня*» (Мф. 10, 38). Это означает, что быть христианином невозможно без крестного подвига, без готовности распять себя «со страстьми и похотьми». Исповеднiческое настроение объявляется либералами фанатизмом, но именно оно имеет настоящую притягательную силу. Только за подвижниками идут люди, ищущие добра и истины. Страшно, если в погоне за молодежью пастырь отказывается от нравственных норм христианской жизни. Напрасен расчет такой ценой привлечь молодежь, сохранить ее для блага. Может быть, кого-то и удастся привлечь, но это будут вовсе не те люди, которые могут быть солью мира. Тех, кто действительно имеет устремление к христианскому устроению сердца, может привлечь только подвиг, исполненный духовной красоты и силы, подвиг стояния в вере, жизни в Духе Святом, любви к Богу и ближним, в чистоте и правде. Не по течению, а против течения пролегает подлинный христианский путь. Добрый пастырь познается по готовности идти против течения мира сего и «*душу свою полагать за овцы*» (Ин. 10, 11).

Для современного пастыря как никогда важны образованность, широта взгляда, внутренняя свобода и духовная красота. Ныне нельзя формально применять те канонические и дисциплинарные нормы, которые были установлены Церковью в далекой древности в совершенно иных обстоятельствах. Но духовный смысл этих норм всегда остается неизменным.

...Сейчас очень часто в храм приходят люди, ничего не знающие о христианстве или с самыми дикими представлениями о нем. Люди в большинстве прошедшие, как говорится, огонь, воду и медные трубы, т.е. прошедшие все степени греха. Это напоминает нам первые века христианства, когда язычники приходили в церковь. Но те язычники были малыми детьми по сравнению с современными грешниками. Церковь тогда была иной, Церковь встречала их подвигом мучеников. Это были времена гонений, и Церковь была удивительно чистой, удивительно прекрасной. Эта красота христианской жизни преображала тот мир и привлекала к себе язычников. Они каялись и становились христианами. Сейчас, к сожалению, чаще всего мы не умеем явить миру эту красоту, эту любовь, этот подвиг, эту верность и веру.

Опора для одиноких душ

Эта патология имеет место преимущественно среди женщин. Это подмена духовной жизни жизнью душевной. Мужчины и женщины так созданы Господом, что они друг другу нужны. Мужскому сердцу необходимы женская любовь, женская ласка, женская мягкость, понимание. Именно женское. Никто не может так разделить скорби, трудности, как любящая женщина. Поэтому и существует брак. Точно так же и женщине нужна опора в мужчине. Нужны мужские свойства души – мужество, твердость, крепость, сила, мощь, независимость, безстрашие. И поэтому закономерно, что мужчина всегда ищет спутницу жизни, а женщина ищет себе спутника. Это так устроено Богом. Но жизнь такова, что мужчине найти себе спутницу легче, чем женщине спутника. И многие из них не вышли замуж и не имеют настоящей семейной жизни, а если даже и вышли замуж, в семейной жизни получают одни только беды, страдания, обиды и еще больше нуждаются в мужской поддержке, потому что муж стал мучителем, а не любящим помощником, не стал более сильной половиной, а стал тираном.

Такие женщины очень часто приходят в церковь и в священнике ищут опору, компенсацию мужского начала. Это вполне законно, естественно, в этом нет ничего неправильного, плохого. Священник может и должен дать женщине эту опору и может около себя приютить таких людей, помочь им жить, устроить их церковную жизнь.

Но здесь возможна неправильность. Священник не может быть мужем ни для кого, кроме своей матушки. И не только в смысле плотском, но и в смысле душевном. Он может быть отцом, и это очень много. Часто женщины в отце получают опору мужского сердца. А в духовном отце гораздо больше, чем в отце по крови. Но непременно должно быть такое отношение, как у дочери к отцу. Это необходимо. Только такое отношение может быть законным. Но женщины очень часто этого не улавливают или, не имея духовной осторожности, правильного понимания, движимые естеством, стремятся получить нечто большее, то, чего им не хватает в жизни. Они хотят, чтобы священник для них был не просто отцом, не просто

духовником, а чем-то другим. Чтобы он восполнил в их жизни то, чего им не хватает. Здесь не имеется в виду тот крайний патологический случай, когда женщины просто влюбляются в священника. Такое тоже, к сожалению, бывает. Но этот случай совершенно патологический, который не хочется даже рассматривать. Он требует самого резкого отпора со стороны священника. Это просто тяжкий грех. Это принесение в церковь прелюбодейных, даже страшнее чем прелюбодейных страстей.

Когда женщина влюбляется в чужого мужа, это плохо. Но если она влюбляется в священника или в монаха, т.е. в того, кто обещал себя Богу, это гораздо хуже. В таких тяжелых случаях священнику нужно просто гнать от себя таких женщин. Но иногда можно объяснить, вразумить, поставить на место и помочь справиться с этим, так как это часто случается неосознанно, не вполне серьезно.

В поисках душевного комфорта

Но я не об этом хочу сказать, а о том, что, не доходя до таких крайностей, женщины очень часто стремятся устроить со священником такие душевные отношения, которые будут имитировать некую общую жизнь. Это не обязательно влюбленность, но это некоторый душевный комфорт. Они начинают требовать, чтобы священник обязательно уделял им внимание, чтобы с ними разговаривал, общался:

– А почему вы не спросили меня о чем-то, а почему вы мимо меня прошли, почему вы вот с той говорите долго, а со мной коротко? А почему вы так со мной суровы, я вам безразлична?..

Подобного рода переживания и чувства всегда означают, что у женщины к священнику отношения душевные, а не духовные. Она ищет в нем не духовника, а компенсацию своей неустроенной душевной жизни. Тут еще может не быть влюбленности, но всегда есть какая-то пристрастность.

Привязанность, вообще говоря, – это неплохо, вполне естественно любить своего духовного отца, это нормально. Это даже должно быть, и такая любовь может быть очень сильной, даже самой сильной в жизни человека – любовь к духовному отцу. Но важен характер этой любви. Нужно, чтобы это была любовь дочери к отцу. Нужно, чтобы это была любовь духовная, ради Христа. Любовь, которая видит в священнике, посланного Богом, учителя духовной жизни. Когда хочется смиряться, учиться, слушаться, когда есть готовность потерпеть даже суровое научение, строгий выговор, когда есть вера в то, что духовник тебя любит, о тебе молится, думает и совершенно при этом не обязан тебе ничем, не обязан вести с тобой «приятные» беседы или что-то еще в этом роде. Такая любовь будет и хорошей, и плодотворной. А душевные отношения, особенно там, где начинаются обиды на священника, духовно безплодны и вредны, они означают прелесть. Прелесть – это славянское слово, «лесть» переводится на русский язык словом «ложь». Прелесть означает самообман. Человек думает, что он идет по правильному пути, а на самом деле идет по ложному. Если его оставить на этом ложном пути, он может уйти, и заблудится обязательно, погибнет. Священнику здесь бывает очень трудно. Потому что долг подсказывает, что он должен одернуть человека, должен сказать:

– Нет, это совсем не то, что нужно. Ты должна совершенно иначе жить. И отношения должны быть совершенно другими.

Он говорит, а она обижается:

– Ну да, вот ей вы этого не говорите. Ее вы любите, а меня нет.

Она не требует, чтобы была влюбленность, но ей просто нужна душевная ласка, душевная любовь. Само по себе душевное – это не есть какая-то проказа, это не есть что-то такое скверное, обязательно плохое, вовсе нет. Человек имеет душу и тело. И эта душа может потом соединиться с Духом Божиим, может начаться духовная жизнь в этой душе. Духовное очень часто начинается с душевного. Начинается это именно в душе, в душевной жизни. Так что, как говорят духовники, душевное должно сочетаться с духовным, должно происходить преображение душевного в духовное. А священник должен суметь перевести человека на правильные рельсы. Приходит человек и плачет, ему просто нужно душевное тепло. Ему нужно сказать:

– Ну что ты так огорчаешься, приходи, я тебе помогу, скажу тебе что-нибудь…

И одно такое душевное слово человека преображает, меняет его жизнь, привлекает его. Оно нужно человеку, это законная потребность человека. Поэтому не надо думать, что плохо, если священник с таким душевным теплом обратился к кому-то. И если священник суровый и холодный, который только «духовно» любит и никогда до душевного не опускается, то это некий манекен, в жизни этого не бывает. И преподобный Серафим, и преподобный Сергий, и старец Амвросий – они всегда умели это душевное тепло показать, сказать: «радость моя», могли дать конфетку или там еще что-нибудь, ласково посмотреть на человека.

Но это должно быть только началом. А дальше от душевной жизни, от душевных отношений, от душевной любви должен быть обязательно переход к жизни духовной. Когда пришел человек, движимый душевным чувством или душевной потребностью, то очень скоро нужно ему сказать:

– Ну, а теперь ты смиряйся, вот теперь ты увидела, нашла Церковь, нашла церковную жизнь, новый путь. Теперь давай смиряться, трудиться, жить подвигом. Теперь я тебя не по головке буду гладить, а требовать, чтобы ты исправлялась.

На слова: «Как хотелось бы мне пожить поближе к вам!», старец Амвросий Оптинский отвечал: «Нет, уж лучше подальше, а то станешь судить и старца, чаго не так делает, как кажется тебе».

И вот тут-то бывает, что человек доходит до какого-то рубикона и дальше идти не хочет. Особенно женщины часто дальше не хотят идти. Им нужна душевность и больше ничего, и они начинают костенеть в этом. Священника это начинает тревожить, он начинает требовать, объяснять:

– Так безсмысленно, безполезно, это безплодный путь.

А в ответ – одни обиды. В ответ – слезы, истерики, упреки, скандалы, иногда неприличные. Есть много случаев, когда духовник не умеет выйти из этого положения, даже опытный, хороший. Если духовные силы безграничны, потому что они даются Богом, питаются благодатью Святого Духа, и чем больше потребность, тем больше дается от Бога этих сил по принципу «рука дающего не оскудеет», то душевные силы священника ограничены. Он начинает изнемогать, не может больше так. Наконец, сорвется и скажет:

– Убирайся вон. Больше не могу и не хочу, сколько это может продолжаться!

Требуется много мудрости, терпения, любви, подвига, чтобы не оказаться в плену душевных отношений, чтобы никого не прельстить, не обмануть, не потакать обману, но и не оттолкнуть человека так, что он уйдет в отчаянии и в церковь больше не придет.

Умеем ли мы быть духовными детьми?

Очень часто случается, что духовные чада начинают разочаровываться в чем-то, они тоже жить подвигом не умеют, не хотят. Они не ищут духовной жизни, духовного подвига, они ищут какого-то комфорта, каких-то особых отношений. Они перестают искать смирения, послушания, а начинают требовать от своего духовника, чтобы он их понимал, чтобы он уделял им время, чтобы он их слушал, чтобы он с ними беседовал без конца, чтобы он к ним как-то относился, начинают хамить, дерзить своим духовникам. В наше время это очень-очень часто бывает.

По существу, нужно признать, что духовных детей очень мало. Их почти что нет. Возможно, есть огромная толпа народа, но это все не духовные дети. Душевные дети, которые духовною жизнью жить даже не собираются. Если так называемое «духовное чадо» хамит своему духовнику, то это не духовное чадо, уверяю вас. Точно так же, если духовное чадо не желает слушаться, ему говоришь раз, два, три, а оно не слушается, то это, конечно, не духовное чадо, только название одно осталось. И вот здесь священнику нужно прозреть и со всей очевидностью признать, что чего-то высокого не вышло, не выходит у него, и смело сказать этим своим так называемым «духовным детям»:

– Не надо обманывать друг друга. Не хочешь так, иди куда-нибудь в другое место, и все. Зачем играть в послушание, в какие-то отношения. Зачем это делать? Это будет гораздо лучше, гораздо честнее.

Обычно священник к этому приходит, в конце концов. Он начинает избегать этих безплодных отношений – отношений, которые оставляют только одну тяжесть на душе. И поэтому мы очень часто видим пожилых священников, очень хороших, у которых духовных чад почти нет. Когда-то были приходы, а на старости лет никого не осталось. Может, есть два-три человека, а может, пять. Почему? Потому что не стало сил у этого батюшки исповедовать без конца, и беседовать он не может уже, душевного интереса он не представляет больше для этих душевных чад. А людей, которые действительно хотят его слушаться, которые верят ему, оказывается очень-очень мало. Может, была община человек 500, а осталось, может быть, пять. Остальные все куда-то разбрелись.

Людей, по-настоящему желающих искать подвига духовной жизни, очень мало. Подавляющее большинство ищет жизни душевной, душевного комфорта, душевных отношений, жизни земной, а не небесной, не хочет освобождаться от своих страстей, не хочет отказываться от своей воли, не хочет ничем существенным жертвовать. Людей, желающих отказаться от своей воли, стать послушными, искать волю Божию, очень мало.

И поэтому священнику нужно не давать ввести себя в заблуждение. Кипит деятельность, все оживает, все растет, строятся храмы, вроде все плодоносит, священнику дают награды, все образцово, все прекрасно. Он может поверить в то, что действительно все прекрасно... Нужно помнить обязательно всякому пастырю, что прекрасно будет только тогда, когда он будет приближаться к Богу, и когда его паства тоже будет идти к Богу, к духовной жизни, к жизни благодатной. Тогда только будет прекрасно, когда все лучше и лучше будет совершаться Божественная литургия, когда на совести, на душе появится благодатный свет, когда все меньше будут иметь значение всякое земное благополучие, земные достижения, награды. Все это будет он ни во что вменять, если прикоснется к жизни благодатной, к жизни с Богом. Вот если так он будет жить, то к нему постепенно будут собираться духовные чада, которые будут иметь такое же устроение. Если же он, в основном, погружен в земную деятельность, то и чада его будут такими же, земными, а не духовными.

Более всего священнику должно бояться подмены, потому что подмена несет в себе дух антихриста вместо Духа Христа. Он должен смотреть – а он не заблудился, сам-то он не забыл единственно правильную цель? Ко Христу ли он идет и готов ли он пожертвовать всем ради того, чтобы остаться со Христом? И должен смело признавать, что мало он умеет, мало получается, и среди тех, кто идет за ним, очень мало настоящих духовных чад. И занимаясь всевозможной деятельностью – и благотворительной, и преподавательской, и организаторской, и строительной, и просто отправлением служб и треб, – священник должен помнить о едином на потребу: о том, что самое главное, чем никогда нельзя пожертвовать, нельзя поступиться, – реальная жизнь с Богом, жизнь благодатная. Все остальное без благодатной жизни не имеет никакой цены, никакого смысла и будет давать только обратный результат.

(печатается в сокращении)

Протоиерей ВЛАДИМИР ВОРОБЬЕВ,
ректор Православного Свято-Тихоновского Богословского института.

«Искушения наших дней». Изд-во «Даниловский благовестник», М. 2003

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 20

Из воспоминаний рабы Божией Анны, г. Таганрог

Отец Виталий взял меня в духовные чада. Росла я в деревне, мы с мамой в глубинке жили, в захолустье. Пять человек детей в нашей семье в 1933 году с голоду поумирали – осталась я у мамы одна. Все в деревне знали, что мы верующие, и против нас многие были настроены, хоть и трудились мы в колхозе: мама скот пасла, а я девчонкой тогда была, но тоже делала, что могла – то нас в степь отправят полоть, то подсолнухи собирать...

Настала осень – все пришли получать, что заработали за лето: пшеницу, семечки. А нам ничего не дали – вместо трудодней «галочка» стоит. «У вас, – говорят маме, – "птичка" все поела, вам нечего получать!» Мама пришла домой – плачет: «Сколько я мыкалась со скотом, сколько в степи пололи, собирали – и ничего нам не положено!»

Тогда тетка Наташа (дальняя наша родственница, она раньше через речку от нас жила, а потом в город уехала) говорит маме: «Дмитриевна, приезжайте в Таганрог, будете у меня находиться, пока Господь не управит вам с жильем». Мама ей: «Да как же?! У нас ведь свой уголок в деревне!» А какой там «свой уголок»? Помню, мама уедет, я останусь одна – и пока ее нет, у нас то с крыши что-нибудь стянут, то двери снимут, то одеяло украдут. Тетя Наташа говорит: «Да на что он тебе нужен – такой уголок? Вот ваш сосед Мирон повезет в город сено на продажу, а вы покидайте к нему на воз те пожитки, что у вас пока еще не украли, и приезжайте».

Переехали мы с мамой в город. Сначала жили у тети Наташи, но у нее были свои дети: дочка и сын – мне ровесник. Что они напроказничают – все я виновата. Сяду, поплачу. А потом сосед, что жил напротив нас, видя, как мы бедствуем, говорит маме: «Дмитриевна, я живу один – жена умерла, дочь и сына забрали в Германию. Переходите ко мне во флигель, будете там жить». И мы перебрались к нему.

А в это время в Таганрог из Глинской пустыни приезжал отец Виталий. И вот он опять приехал. В церкви начались про него разговоры. Мы услышали и тоже стали спрашивать: «Вы не знаете, где отец Виталий? Где он?» Потом, по воле Божией, мы с ним познакомились. Разузнавали, где он будет – и собирались туда. Обычно он приходил на службу, а после от-

правлялся к кому-нибудь из знакомых. Часто к матери Марии ходил – нынешней схиигумении Серафиме, она тогда на 25-м переулке возле завода жила. Как-то даже у нас во флигеле был.

Вот мы соберемся – и он с нами беседует.

Он тогда уже был прозорливым. Когда мы приезжали в Глинскую, отец Виталий выходил нам навстречу: мы еще только идем в обитель, а он уже знает и говорит окружающим: «Там приехали рабы Божии»...

Или вот, помнится, идем мы как-то с отцом Виталием через поля, и он спрашивает у одной сестры:

– Ты когда-нибудь купалась в море?

Та отвечает:

– Да, отче.

– А было такое, что ты тонула?

– Отче, было – я зашла в воду и дна не чувствую! И никак не могу опереться ни на что!

– А когда это было?.. – спрашивает отец Виталий.

Но что интересно: сам вроде бы расспрашивает, и тут же при этом рассказывает ей обстоятельства всего того происшествия. Потом он признался, что молился за нее в то время, когда она тонула... Так буквально Батюшкина молитва «доставала со дна моря».

После Таганрога, многолетних странствований старцы благословили отца Виталия на Кавказ, в горы. Приезжала я к нему и туда.

Жил он с пустынником отцом Исаакием. Тот уже старенький-престаренький тогда был, очень любил сидеть на горе над пропастью. Однажды мы приезжаем к отцу Виталию, он нам рассказывает, как они живут, и будто бы между делом все говорит о каком-то человеке, что, мол, «опасно... опасно...» Повторяет и повторяет. А нам и невдомек. И вот через некоторое время отец Исаакий падает со своей возвышенности. Как у него это вышло: задремал или плохо ему стало? Расшибся он сильно. Стали его поднимать, ноги оттирали... Но ничего, слава Богу, жив тогда остался.

У отца Виталия с отцом Исаакием (как, впрочем, и у других пустынников) была келья больше похожая на сарайчик: где-то что-то склеено, где сбито, где проволокой закреплено. Как они там круглый год жили? Но у этого «сарайчика» имелся все же маленький чердачок, как у «настоящего» дома – отец Виталий туда залезал и молился.

Однажды мы с духовной сестрой собрались идти к отцу Виталию. И с нами собралась идти одна послушница, которая в местном храме работала. Она говорит: «Надо надеть «маскировку»», – чтоб незаметно было, что мы идем в горы, а то подозрение начнется, слежка, если увидят, что в темном идем. Одели мы цветные халаты и отправились к отцу Виталию. Доходим до его кельи – он вылезает со своего чердачка и говорит: «Ну, точно! Видел вас – и в этих самых

халатах! И сестра Анна – вот она! И другая – точно в таком же одеянии!» – мы только еще шли к отцу Виталию, а Господь уже открыл ему об этом.

Остатки кельи отца Виталия в горах Кавказа. Келья находилась на крутом склоне горы к реке Амткел, крутом труднопроходимые заросли рододендрона. Фото 2006 года.

Много мы тогда с Батюшкой по горам ходили. Он нас везде водил и все рассказывал, как монахи живут. Сказал, что некоторые пустынники живут в дуплах деревьев. Мы не очень-то поверили: как это можно?! Тогда он показал нам одно дерево: с виду – ничего примечательного, разве что большое очень. Потом что-то оттянул в стволе – открылось дупло, а в нем – подобие кельи. Можно ночевать и даже вместить нехитрое отшельническое имущество. Потом он снова плотно прикрыл – и дерево как дерево!

Отец Виталий говорил, что в горах пустынников часто подстерегает опасность – и от людей, и от бесов. «Здесь всегда нужно быть осторожным. И каждый вечер на ночь все освящать и окроплять, с крестом и с иконочкой обходить вокруг жилищ...»

Заготавливали мы как-то дрова в горах. Через какое-то время работы у меня началась сильная головная боль, я изнемогла, а надо снова спускаться в пропасть, передавать оттуда ветки. Думаю: «Ой, не могу больше!» – встала наверху и стою. Вдруг отец Виталий говорит: «Ну, все – заканчиваем!» Когда все вылезли наверх, Батюшка взял ведро с водой, ковшик и начал тем, которые к нему подходили, поливать воду – кому на руки, а кому и на голову. Подошла и я. И как только ковш воды очутился на моей голове, всю боль с меня сразу как будто рукой сняло!

Как-то приехали мы к Батюшке под Крещение – он говорит: «Сейчас поедем на источник Василиска и источник Симона Кананита». Сначала побывали на источнике святого Василиска. Отец Виталий залез в него прямо в одежде и окунулся с головой! Потом спрашивает у нас: «Вы ничего необычного не заметили?» И пояснил: рядом с источником на камушках – кровь мучеников. Это мы видели, да и все остальные тоже. Даже иногда дети вылавливают эти камушки и ходят, продают их туристам. Но потом эти камушки сверху засыпали свежим щебнем. «Вот посмотрите, – сказал отец Виталий, – теперь на каждом камушке снова уже кровь!» Новый щебень посыпали – и на новом щебне выступила кровь, как и на старых камешках.

После источников мы отправились в город пешком. Отец Виталий с нами – весь мокрый. И хотя климат в тех местах не такой, как в России (морозов почти не бывает), но все ж-таки зима!..

...Когда мы ходили с отцом Виталием по горам, заходили и к больному Алеше, что жил недалеко. Когда отец Исаакий погиб, Алеше Господь открыл, как это было – мы к нему зашли как раз в то время, а он кричит: «Убивают! Убивают!» Отец Виталий сказал: «Это он не просто так». А потом оказалось, что именно в этот момент убивали отца Исаакия...

После гор старцы благословили отцу Виталию перебираться в Тбилиси. Он жил там в поселке Дидубе, иногда – на Московском проспекте. Но часто, особенно в первые годы, он очень скорбел, тосковал по своему пустынническому житию: «Я еле привык здесь. У меня всё перед глазами горы, нехоженые места!» Он так переживал! А потом немножко притерпелся и говорит: «Ну, я уже привык, и мне кажется, что и здесь как в пустыне»...

Батюшка молился как в келье, так и во дворе: встанет под окнами домашних построек так, что окружающим его не видно, и молится. Может, это уединенное моление напоминало ему его любимую пустыню?

В последний раз я виделась с Батюшкой незадолго до его смерти. Он вышел из кельи и направился к калитке – на улице его уже ждала машина, чтобы ехать на Московский проспект. Он задержался возле первой ступеньки внизу. Стал и смотрит, как я иду к нему под благословение. Я в тот день отправлялась домой, хотя в голове крутилась мысль, что уезжать не надо: приедешь домой и придется скоро ехать обратно – Батюшка был уже очень слаб. И тут он, будто читая мои мысли, говорит: «А ты знаешь, может быть, ты уже не увидишь меня. Я себя плохо чувствую». Зачем я тогда уехала? Когда я, взяв благословение и уходя в келью, обернулась, он все еще стоял возле ступенек – слабый, согбенный... Через две недели пришла телеграмма: «Отец Виталий отошел ко Господу». Похоронили его возле храма, сзади алтаря.

Братская поляна, где пустынники возделывали огород

О СОВРЕМЕННОМ МОНАШЕСТВЕ

Часть 3

Продолжим разбор видения преподобного Пахомия Великого, которое приводится в его житии. «И явися ему Сам Бог Славы Иисус Христос, и рече Пахомию: дерзай, Пахомие, и крепися, семя бо твое духовное не оскудеет до скончания века», – следовательно, как видим из этого изречения, монашество сохранится до скончания века. «А от имущих по тебе быти, мнози от глубины мрачного онаго рва, Моею помощию спасшеся, высши явятся паче нынешних добродетельных иноков», – так что последним инокам (инокам последних времен) унывать не приходится, а только нужно бороться с грехом. Вот как сказано: последние иноки обретутся даже выше тех, которые были в первые века христианства.

Вопрос: *А почему?*

Ответ: Потому что Господь зрит на сердце. А дальше Он же и объясняет Пахомию: «Нынешнии бо образом твоего жития наставляеми и просвещаеми сияют добродетелями», – т.е. те монахи имели живой пример наставления и вразумления в лице Пахомия Великого и других святых отцов того времени. «А иже по тебе быти имут, **во мрачном рве тобою видении, не имуще таковых наставников, могущих из того мрака извести их, САМОВОЛЬНЫМ СВОИМ ПРОИЗВОЛЕНИЕМ отскочившие от тьмы, светлым заповедей Моих путем усердно пойдут и угодни Мне обрящутся»**. Это значит, что если человек возненавидит грех, отторгнет своим произволением грехолюбие и пойдет по пути исполнения воли Божией, следовательно, таким людям Сам Господь поможет. Он говорит: «Моею помощию спасшеся» – то есть, мы сами ничего не сможем сделать, а только с Божией помощью. Но свое произволение мы должны проявить. И на это произволение и доброе начинание приходит благодать Святого Духа и тогда совершается всякое благое дело. Но мы должны это дело рас-

Келья в дупле липы. Со временем дерево пришлось спилить и сделать крышу.

ценивать, не как «наше» дело, а как божественное, потому что только с помощью благодати Божией совершается эта борьба с различным грехом. «И [такие борцы со грехом] угодны Мне обрящутся», – сказал Господь.

Так что в борьбе с грехом, каким бы ни было, в какой бы форме он не проявлялся, Господь принимает наше делание, оно угодно Ему.

И вот закончу цитату: «А инии напастьми и бедами спасутся». Это изречение означает, что даже если мы немощны в исполнении заповедей, нарушаем их, преступаем, небрежем о них, но при этом благодушно терпим все случающиеся беды и напасти, то через это терпение спасаемся. Жаль, конечно, что мы не поставляем себе целью применять в своей повседневной деятельности заповеди Христовы. Мы просто живем, как живется, и все. А то, чтобы какое-то дело делать по заповедям Христовым, и подумать не хотим...

Как вот приехал сюда недавно из России один верующий человек. Приехал специально – искать пустынников, чтобы спросить, что ему делать. Мать умерла, а завещание на дом не совсем точно написано. И вот он ехал спросить: а может, завещание скрыть и себе оставить дом? И судиться ему с братом или не судиться? В его понятии для решения такого вопроса необходим только пустынник – как будто в Новом Завете об этом ни слова не сказано...[1]

Это просто как пример того, что мы не поставляем себе целью жизни исполнение новозаветных заповедей Христовых. А потому вот эта последняя фраза из видения преподобного Пахомия «а инии напастьми и бедами спасутся» имеет в виду как раз то, что нужно нам

---

[1] «Вы, когда имеете житейские тяжбы, поставляете своими судьями ничего не значащих в церкви. К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? Но брат с братом судится, и притом перед неверными. И то уже весьма унизительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев» (1 Кор. 6, 4-8) *(прим. ред.)*.

хотя бы иметь терпение, если уж нет у нас понимания, как жить по заповедям Христовым. Господь попускает нам напасти, беды, и благодушное претерпевание их идет нам во спасение.

В любом случае унывать не нужно, а только благодарить Бога, что Господь все-таки как-то заботится о нас. Господь ведь и сегодня спасает нас, как и 1000 лет тому назад – подает для этого все средства. Но как часто мы обольщаем себя: «Жили бы мы тогда, когда было много благодатных старцев, были бы у нас наставники, были бы благие примеры, тогда бы мы спасались! А сейчас вот нет наставников, нет руководителей, потому мы такие». А фактически вот как сказано об образе спасения последних монахов: «самовольным своим изволением». Если мы «самовольным своим изволением» отскакиваем от тьмы греха и исполняем заповеди Божии, мы спасаемся. Вот такое дано нам предсказание, вразумление и утешение, которое мы должны принять к сведению и сделать себе соответствующие выводы: как нам сегодня жить, как нам спасаться, не имея тех благоприятных условий, какие были у прежних христиан.

И дальше говорит Господь Пахомию о последних монахах: «"Аминь бо глаголю тебе о них, яко тоежде спасение получат еже и нынешнии иноцы, совершенно и непорочно жительствующие". То рекше, Господь взыде на небо». Вот как Господь сказал: «истинно говорю тебе, что [монахи последних времен] то же самое спасение получат, что и нынешние иноки». Так что дверь спасения нам открыта – если, конечно, не предадимся лености, нерадению и самооправданию своих страстей. А если будем оправдываться и в лености и в небрежении жить, то мы сами себя погубим.

Вопрос: *Как избежать отчаяния, когда думаешь, что «по моим делам, я никогда не спасусь, потому что леность, нерадение и самооправдание процветают таким бурным цветом, что никакого просвета не видно...»*

Ответ: Нельзя так говорить, что «я не спасусь». Потому что мы верим, что Господь пришел на землю взыскать и спасти погибшее овча.

А если упорно не верить в свое спасение: «Я не спасусь, все равно погибну» – это уже хула на Духа Святого, неверие Богу. Как будто Бог не может спасти погибающую душу. Богу все возможно. Если Он спас благоразумного разбойника на кресте, то неужели не спасет тебя, если ты Его об этом ежедневно просишь и что-то пытаешься делать для этого? Невозможное человеку – возможно Богу. А потому просто нужно отдаться в руки Бо-

Внутренний вид кельи в дупле липы

жии: «Сам я спастись не могу, но я верую, что Ты, Господи, можешь меня спасти, и потому прибегаю к Тебе и прошу прощения и помощи в борьбе против всех моих грехов, против плоти, мира и диавола».

И святитель Феофан Затворник говорит, что нельзя говорить «я погибаю». Ведь нигде в святоотеческих молитвословиях не сказано: «Я погиб, я пропал, я не спасусь». А сказано иначе, в форме обтекаемой, что «от дел моих несть мне спасения». Спаситель пребывает с нами всегда: *«Аз есмь с вами во вся дни до скончания века»* (Мф. 28, 20). Он с нами. И если мы сами от Него не отстраняемся, то Он от нас не удаляется. Если мы призываем Его, Он приходит.

По-настоящему верующий никогда не отчаивается. А кто приходит в отчаяние о своем спасении, тот проявляет неверие, гордость и безумие.

Об этом мы должны заботиться особо, именно ради этого жить – чтобы, действительно, проявить себя верными и преданными Господу нашему Иисусу Христу. И делать все возможное – прилагать все усилия для деятельного жительства по Евангелию. А в чем ошиблись, согрешили, в том надо каяться, припадать к Нему и просить прощения, надеясь, что Он нас, как детей, всегда простит и примет, как блудного сына.

Еще можно сказать в дополнение о настоящей вере следующее. Наша жизнь такова, что постоянно одолевают нас страсти, «давят» скорби, мучают искушения, и мы не знаем, что делать, как избавиться от всей этой тяжести, как бороться, где черпать силы. Ищем выхода и не находим. Вот что говорят по этому поводу Святые Отцы, что они нам предлагают: «Вот оружие раба Христова для борьбы с мрачными исполинами [т.е. с помыслами печали, уныния, нетерпения, ропота и т.д.]. Для борьбы с ними необходимо нам многотрудно повторять такие слова: "Слава Богу за все". Или же: "Господи, предаюсь Твоей святой воле. Буди со мною воля Твоя" [ибо таким образом человек предается воле Божией]. Или же говорить: "Господи, благодарю Тебя за все, что Тебе благоугодно послать было на меня". Или же: "Достойно по делом моим приемлю"», – и повторять это многократно, запечатлевая в своем сердце и уме. «Употребление этих оружий в деле молитвы постепенно переводит нас со стези разума на стезю веры», – объясняет нам святитель Игнатий Брянчанинов.

Вопрос: *Что это значит? Как понять: «со стези разума»? Причем здесь разум?*

Ответ: А разум здесь притом, что мы обычно рассматриваем все наши скорби, беды и напасти чисто по-человечески, забывая о Промысле Божием. Потому и приходим в печаль, уныние, малодушие и нетерпение.

У Святых Отцов сказано, что «верный Богу водится верою в Бога и облечен во всеоружие». То есть, если Бог за нас, кто против нас? Если Бог с нами, следовательно, нам бояться нечего. Когда ученики Христовы утопали, то возопили: «Наставниче, погибаем», – а Господь их за это укорил: «Почто страшливи есть, маловери?» Если

Спаситель с нами, чего нам бояться? Тяжело, трудно – да. Но мы надеемся на Бога. И Христос победит всех наших врагов видимых и невидимых и поможет преодолеть Своею благодатию все наши скорби и искушения.

Не случайно преподобный Марк Подвижник говорит, что «верующему должно перемениться в уме своем и собрать к Богу все помышления», – чтобы, действительно, человек стал «новой тварью». Чтобы он на жизнь, на наше предназначение в жизни, на все обстоятельства смотрел **иными** глазами, воспринимал жизнь и все, что в ней, духовно. Все помыслы наши должны обратиться к Богу, а не к земле (т.е. не к людям и не к этим искушениям). Тогда мы, действительно, почтим Бога как Бога. А мы тяжко грешим, когда забываем о Боге и начинаем копошиться в своих житейских проблемах, решая все сами, своим умишком. Потому и мучаемся – именно по своему неразумию.

Нужно нам перемениться в уме своем и стать по-настоящему верующими, чтобы во всех случаях видеть Промысл Божий. Тогда Бог будет нам помогать, освобождать и все эти скорби облегчать. Полностью скорби, конечно, не уйдут. Они будут присутствовать, но только переноситься будут более благодушно, даже радостно.

Вот такая духовная мудрость преподана нам Святыми Отцами, которые сказали: «Вера есть сила, все внутри в благонастроении содержащая». И если нет у нас внутреннего благонастроения, следовательно, мы уклонились от стези веры, и в этом нужно каяться и исправляться. Так что, помоги нам, Господи.

В день Святой Троицы

Состоялось первое праздничное богослужение в возрождающемся Троицком мужском монастыре в г. Ельце

По благословению правящего архиерея епископа Никона (Васина) началось возрождение монашеской жизни в закрытом и разрушенном при советской власти Елецком Свято-Троицком Петропавловском мужском монастыре. Сейчас ведется подготовка документов для подачи в Священный Синод прошения об официальной регистрации еще одной иноческой обители на Липецкой земле. Строителем возобновляемого Елецкого мужского монастыря поставлен архимандрит Севастиан (Щербаков).

Пока число насельников невелико – 12, да и тем приходится ютиться в алтарной части бывшего трапезного храма. Келейный корпус, к которому примыкал трапезный храм (предположительно – во имя великомученика Пантелеимона), пожалуй, единственная относительно полно и хорошо сохранившаяся постройка из числа бывших монастырских. Но с советского времени это здание занято квартирами мирян, которых еще предстоит расселить. Лишь две квартиры, размещавшиеся, там, где некогда возносились молитвы и совершались Таинства, удалось освободить и вернуть Церкви.

Колокольня со святыми вратами, сохранившаяся до наших дней

История обители уходит корнями в век XVII. Известно, что в «1627 и 1628 гг. по примеру других иноческих обителей и по существовавшему праву Елецкий Троицкий мужской монастырь имел за собою землю в количестве немногим более 156-ти десятин, и в слободах Сусловой и Дрезгаловой – 124 человека монастырских крестьян. В деревне Сусловой находился тогда монастырский экономический двор».

Считается, что первым настоятелем старого Троицкого монастыря был игумен Моисей. Есть сведения, что в 1636-1638 году обителью управлял игумен Авраамий. Монастырь просуществовал более полутора столетий, пока страшный елецкий пожар 1762 года не уничтожил его храмы и кельи. Средств на скорое восстановление обители не нашлось, и в 1775 году ее насельники «за ветхостью зданий» были переведены из Ельца в Лебедянь, почему тамошний Троицкий монастырь и стал именоваться Елецким-Троицким.

Лишь спустя несколько десятилетий, уже в веке XIX, мужской монастырь в Ельце был возрожден. Но уже на новом месте – там, где ныне высится лишь надвратная башня с колокольней, да примыкает к ней часть сохранившейся стены...

Новая история, теперь уже Елецкого-Петропавловского заштатного мужского монастыря, началась в 1836 году, когда в обитель, устроенную попечением ельчан-благотвори-

телей, перевели иноков Петропавловского монастыря из Брянска.

Алтарная часть бывшего трапезного храма

Как сообщает в своем историческом очерке «Город Елец в его настоящем и прошлом» А. Воскресенский: «В 1835 году монастырь, предназначавшийся к открытию, обнесенный высокой (4 сажени) каменной оградой, имевший каменный храм Св. Троицы, трехъярусную каменную колокольню, братский корпус и все необходимые хозяйственные службы, был совершенно готов. Переселилась сюда из Брянска, из упраздненного там монастыря, братия. Шестого сентября 1836 года состоялось торжественное открытие Елецкого Троицкого монастыря преосвященным Никодимом, епископом Орловским и Севским, и день этот был днем радости для ельчан». На этот раз мужской монашеской обители в Ельце отведено было чуть более восьми десятилетий – она была упразднена весной-летом 1919 года, когда новой революционной властью, монастырь был закрыт, а в его зданиях обосновалась «Пролетарская коммуна». В одном из храмов был устроен клуб.

Но времена коммун и первых пятилеток миновали. В ходе послевоенной реконструкции города Ельца практически все храмовые и келейные здания монастыря были постепенно уничтожены. Последние из них взорвали в конце 60-х годов прошлого столетия. Большую часть бывшей территории монастыря забетонировали и разместили там автобазу, которая и сейчас остается на прежнем месте.

А потому службы нынешняя братия совершает в малом храме во имя святителя Иоанна Златоустого – бывшей церкви сиротского приюта, устроенного купцом Заусайловым, расположенной чуть ли не за квартал от келий. Церковь эта, хотя и сильно обветшавшая, но сохранилась. Иноки всего за две недели с помощью Божией и своими трудами восстановили церковку. И с радостью великой совершили в ней первое богослужение на Троицу, благодаря Господа и искренне уповая на то, что милостью Его храмы здешние восстанут вновь и засияют золотом увенчанных крестами куполов, под сенью которых многочисленная, как встарь, братия неустанно будет прославлять Всевышнего.

Храм во имя святителя Иоанна Златоуста, переданный ныне общине Троицкого монастыря

Л. МОРЕВ

Святой плач

Отец Панкратий сидел около своей келии и горько плакал. Слезы лились из его старческих потухших очей, он их смахивал своей мозолистой рукой и все плакал. Мимо него, опираясь на посох, шел отец Агафодор. Увидев плачущего брата, старец остановился. Он оперся на свой посох, взглянул на отца Панкратия и тихо спросил:

— Ну, чего ты все плачешь, отец, или горе великое имеешь в душе?

— Да, отче, душа моя болит смертельно.

— О чем же это она болит?

— Да вот, авва, сдается мне, что Господь хочет спасти меня.

— Вот и добре, — ответил авва Агафодор, мягко улыбаясь, — в рай попадешь.

— О, горе мне великое, — завопил отец Панкратий, а сам еще пуще заплакал.

— Ну что же ты плачешь? — опять спросил авва Агафодор старца Панкратия.

— Боюсь, что в рай попаду.

— Но ведь там добре, — утешал старца авва Агафодор.

— А что я там буду делать? — сокрушался отец Панкратий, — ведь я недостоин.

— Но Господь знает твою душу.

— То-то оно, недостойна душа моя, и ей в раю будет стыдно, потому-то она и скорбит теперь.

Отец Агафодор поглядел на отца Панкратия, покачал головой седой и пошел дальше.

Архимандрит Тихон (Агриков).
«Матерь Света»

Схимонахиня Антония (Овечкина; † 1972)

С крестом и Евангелием

Из воспоминаний о старице схимонахине Антонии (Овечкиной)

Часть 4

Из рассказа рабы Божией Лидии:

– ...Помню, как привезли к матушке молодого парня с нашей деревни: ему девчонка какая-то «сделала» так, что он три года за стол со всей семьей не садился, а ел из лохани для коровы, куда бросали разные отходы. Матушка помолилась, потом все сели за стол, она посадила его возле себя, разрезала пополам крутое яйцо и один кусочек ему подложила: «Ну, давай: я беру кусочек – и ты бери. Кушай, кушай». Он сначала будто боялся, но все же осторожно взял и съел – впервые за три года. Матушка потом ему сказала, чтобы он не выпивал, чтил Господа, молился, просил Его об исцелении. После он совершенно поправился, но потом не послушался матушки: пошел к товарищу на свадьбу, там напился – и с ним опять сделалось плохо.

Матушка была таким сильным врачом духовным – не передать! Она знала мысли человека, который к ней пришел, знала его жизнь, что называется, «от и до», и прошедшее, и будущее – все она знала. Все намерения и желания она видела. Но она мало что говорила людям, потому что это трудно было понести. Например, один человек привез жену, которая была очень больна. Матушка начала за нее молиться, женщина исцелилась, а матушка и говорит мужу: «Да ненадолго это: она сейчас домой приедет, а мать-то твоя обратно ей «даст»». Он как заругался на матушку: стыдно ему стало за мать. Матушка сказала истину, а ему не понравилось.

Матушка провидела многое. Узнавала и людей, которые, отдав себя во власть бесов, занимались колдовством. Но если кто-то из таких приезжал к ней – с дурными ли намерениями или просто из любопытства – они не могли долго пребывать у матушки, не выносили благодати. Она видела это и спрашивала: «Вам трудно тут?» Те отвечали, что не могут у нее находиться, или просто выбегали из кельи...

Рассказывает монахиня Серапиона: «Приехали мы в Оборону[1]. Начиналось лето, и матушку должны были вот-вот привезти из Евграфово. Мы все приготовили, сидим, ждем. Уже вечер. Привезли ее, занесли, положили на койку. Мы, конечно, ни о чем своем не спрашиваем: она ведь устала. Лежит, отдыхает, смотрит на нас. А потом и говорит: «Лежу и гляжу: кто какой есть», – она не на лицо наше смотрела, а видела состояние души».

«Матушка сказала нам тогда, – продолжает схимонахиня Евстратия, – «Маня, не держите руку вот так, – сжала ее в кулак и повернула к себе, – а то ничего у вас не будет. Держите вот так, – раскрыла руку и протянула, как бы кому-то что-то подавая. – Будешь так держать, и все у вас будет. Дадут тебе, а ты другому дай. Маня, вы людей кормите – не обижайте. Кто ни приедет, кто ни придет – вы всех кормите». Мы спрашиваем: «Матушка, чем же мы будем кормить?» Она отвечает: «Это не ваше дело. Не вы будете их кормить, а они вас. Только слушайте, что я вам говорю»...». Матушкины слова не были напрасными: сегодня приезжают на могилку схимонахини Антонии люди, привозят матушкиным послушницам продукты, зная, что сестры уже довольно старенькие и немощные. За ними приезжают другие – их кормят тем, что привезли приехавшие до них. Так и не прекращается эта цепочка...

Нередко приезжал к матушке раб Божий Николай (ныне – правящий архиерей Липецкой и Елецкой епархии епископ Никон). Был он тогда совсем молодым. Матушка звала его ласково – Колей и очень любила, жалела и всегда ждала его приезда. Как-то послушницы спросили: «Матушка, что ты его привечаешь? Зачем он нам нужен?» На что прозорливая старица ответила: «Он будет **наш**. Его надо привечать и жалеть», – под словом «наш» она подразумевала монашеский чин, хотя Николай в то время работал на заводе.

Вот как сам Владыка Никон вспоминает о своих посещениях матушки:

– Когда я узнал схимонахиню Антонию (Овечкину), которая жила в Тамбовской области, то начал постоянно к ней ездить. Работал я в то время на заводе «Свободный Сокол».

Летом и зимой я ездил к матушке Антонии. Меня там ждали и всегда с радостью принимали. Когда была возможность, возил ее на колясочке в церковь. По ступенькам на руках ее переносили в храм, и так же – из храма.

В деревне рабочие руки, особенно мужские, всегда нужны, поэтому, когда я приезжал к матушке-схимнице, работа мне там всегда находилась: что-то сделать по хо-

[1] Так называлось село Мордово во времена советской власти.

зяйству, по двору, по дому, довелось и столяром потрудиться...

Сначала у меня были такие же, как и у всех людей, желания: окончить высшее учебное заведение, жениться, создать семью. Но вот когда на работе у меня начинался отпуск, матушка стала посылать меня в паломничества по монастырям. Сперва я отправлялся в Троице-Сергиеву Лавру, оттуда ехал в Ленинград (нынешний Санкт-Петербург) к Ксении блаженной, затем в Эстонию – в Пюхтицкий женский монастырь, потом в Вильнюс – в Свято-Духов мужской монастырь, коекогда заезжал в Почаевский мужской монастырь... Получался такой своеобразный «круиз» по монастырям во время отпуска.

Отец мой был очень хозяйственный, работящий, способный многое сделать своими руками, и я старался перенять у него все мастеровые качества, да и по своей специальности я умею работать по дереву, по металлу, поэтому, когда приезжал в очередной монастырь и там узнавали, что я могу и сантехником, и столяром быть, мне давали работу, и я трудился, а одновременно общался с монахами, с иноками, жил как насельник в обители единой с ними семьей, для меня там было все родное. Я видел, как живут монахи – и мне нравилась их жизнь, их уклад: нравственная чистота, нигде не услышишь гнилого слова... И у меня появилось желание идти в монастырь. Я дал обет Богу, что посвящу свою жизнь Ему. Когда мне предложили учиться в институте стали и сплавов, я вместо этого пошел в семинарию.

Людей к матушке приезжало очень много. Приезжали не с радостью, а больше со слезами и скорбями. И все это было при мне – я видел и слышал, как матушка их утешала, как она за них молилась. Матушка очень сильно укрепила меня в вере. Будучи рядом с ней, можно было в Бога поверить даже «от противного»: ведь ехали к ней в основном «недужные» – больные духовно, в которых явно проявлялась демоническая сила. Матушка обладала такой благодатью, что все эти больные люди или разбегались от ее дома, или кричали, или совершали какие-то другие действия. А потом исцелялись или получали облегчение прямо у нас на глазах.

Матушка Антония среди послушниц и приезжих гостей

Возле коечки схимонахини Антонии стояла большая икона Божией Матери Иверская, мы всегда клали перед ней поклончики, читали утреннее и вечернее правило. Потом шли – по хозяйству что-то делали... Вот такая была жизнь: монастырская в сельском доме.

Зная матушкину мудрость и прозорливость, приходили к ней люди не только за исцелением от душевных и телесных болезней, но и за советом. Часты были случаи, когда просили у нее благословения на будущий брак, молитвенной помощи в житейских и духовных нуждах.

Вспоминает монахиня Порфирия: «У меня заболела старшая сестра, и мама повезла ее к матушке. С тех пор мы часто стали к ней ездить. Потом брат пришел из армии, он был моряком. Мы все переживали о нем: красивый, видный, статный, но холодно относился к вере, даже крестик не носил. И вот на Пасху мама с сестрой поехали к матушке. Среди прочего было намерение попросить ее помолиться за брата. Я оставалась дома. Брат пришел домой с работы, с дежурства, и сразу лег спать. Встав, он, к великому моему удивлению, спросил: «У нас есть капроновая нитка? А крестик?» И потом: «Ну, теперь одену – навсегда!» – берет и надевает. Видно, молитвами матушки Господь его призвал...». Впоследствии брат монахини Порфирии принял монашеский постриг и стал игуменом.

Раба Божия Мария занималась шитьем монашеских облачений. Но как-то раз вышло у нее искушение: «То я подрясник за день могла сшить, – вспоминала она впоследствии об этом случае, – а тут что-то случилось: все путается, ничего не получается! Думаю: «Поеду к матушке». Приехала, еще ничего не успела рассказать, а матушка и говорит: «Ну, что, Мань, приехала – обобрали тебя всю?» Отвечаю: «Матушка, я вся измучилась! И не могу ничего сделать!» Матушка за меня помолилась, воды мне святой дала и сказала, чтоб по приезде домой я все святой водой окропила: «А то ты рот-то разинула. Надо же всегда все крестить, водичкой святой окроплять и все делать с молитвою, а ты?» – матушка все чувствовала. Когда я приехала домой, у меня шитье пошло по-старому, как будто никакого искушения и не было».

Рассказывает раба Божия Ольга из Воронежа:

– Помню, мне было где-то 5-7 лет, когда я впервые увидела матушку. Жили мы тогда в Эртиле, в храм ездили в Ячейку. Однажды из Ячейки приехала к маме ее подруга тетя Маша: «Быстрей собирайся – матушка приехала! Батюшка Серафим[2] благословил!..» Меня наскоро нарядили, и мы поехали в Ячейку. Встретил нас ба-

[2] Схиигумен Митрофан (Мякинин)

тюшка (мне запомнилось, что он был во всем темном) и провел в караулку, где он тогда жил со своими послушницами. Там на кровати сидела матушка, обложенная подушками. Помню, что она была очень доброжелательной...

Во второй раз я увидела матушку, когда заканчивала 10-й класс, и вот по какому поводу. Когда мне было лет четырнадцать, храм в Ячейке закрыли, и верующие стали ездить в Мордово – это где-то час на рабочем поезде и еще минут сорок быстрой ходьбы до храма. После всенощной нужно было где-то ночевать. В первый раз я приехала в Мордово с троюродной сестрой схимонахини Евстратии, и поэтому ночевать мы пошли к ней. С тех пор, приезжая на службы где-то раз в месяц или чаще (когда случался большой праздник), я неизменно останавливалась у схимницы. Я очень подружилась со схимонахиней Евстратией, и она меня полюбила... И вот, заканчивая 10-й класс, я приехала как раз незадолго до выпускных. Когда я сообщила, что скоро буду сдавать экзамены, а потом собираюсь поступать в институт, мать Евстратия сказала: «Так надо ехать к матушке и брать на это благословение!» Мы с ней быстренько собрались и на другой день, отбив на вокзале телеграмму моим родителям, что я задержусь на 2-3 дня, отправились поездом в Хворостянку. Из Хворостянки нас сначала подвезли на машине, потом пришлось идти пешком. По пути разразилась гроза – вымокли все до нитки! Когда пришли, было уже темно. Нас обсушили, накормили и уложили спать в комнате, что за матушкиной кельей. Здесь я впервые услышала бесноватых – матушка кого-то принимала.

На другой день мы с матерью Евстратией задали матушке вопрос о моем поступлении в институт. Я хотела в медицинский. В Курске в то время жила моя старшая сестра, и я собиралась поступать туда. Матушка не сказала мне сразу ни да, ни нет. Она немного подумала и спросила: «А ты не хочешь, как мама, шить?» Я сразу же: «Ой, нет-нет! Не хочу! Это кругом нитки, мусор! Нет, совсем не хочу!» (хотя потом мне пришлось участвовать в шитье монашеской одежды – старица, видно, это провидела). Матушка помедлила какое-то время и снова спросила: «Врачом хочешь быть? Ну, а колбаски не хочешь покушать?» Я в то время уже знала, что монахи колбасу и мясные продукты не едят (а мне тогда хотелось быть монахиней), и снова ответила отрицательно. Матушка все как-то медлила с окончательным ответом. Нам уже надо было уезжать, а она еще ни-

чего определенного мне так и не сказала, будто находилась в раздумье: «Ну, значит, в Курск ты хочешь ехать? В Курск, в мединститут... В институт... Врачом... врачом, да? Колбасы не хочешь...». А потом: «Ну, раз сестра там – езжай к сестре. К сестре, в Курск!» – вот такое было благословение. А «в мединститут» она так и не сказала. И при поступлении в медицинский мне не хватило одного балла! Я тут же подала документы в политехнический на факультет ЭВМ и поступила, хотя туда в основном проходили по конкурсу только ученики спецшкол и золотые медалисты. В школе я училась хорошо, но чтобы выдержать экзамен на такой престижный факультет!.. В общем, получилось все по матушкиному благословению: «...К сестре, в Курск!»

В последний раз я видела матушку, когда приехала летом домой на каникулы и отправилась под какой-то праздник в мордовский храм, чтобы причаститься. Спать меня в тот раз положили в матушкиной келье. У нее в тот день было много народа, и потом всю ночь, помню, она очень стонала, мучилась. Видно, бес ей мстил. Внешне она была – Божий одуванчик, ей и сидеть-то было тяжело, не говоря уже о том, чтобы вести такую борьбу. Но духом она была очень сильна: такой физически немощный человек брал на себя чужую боль, чужие болезни, чужие грехи!.. Она стонала, матушки, которые за ней ухаживали, часто вставали. Мне было ее очень жалко...

Да, враг спасения не дремал, стараясь принести неприятности то через внешние обстоятельства, то через враждебно настроенных людей.

Как-то, когда матушка жила в Евграфово, в ее домик стали ломиться грабители, думая, что раз к ней постоянно ходят люди, значит, у нее накопилось уже много богатства. Бандиты барабанили в дверь, стучали в окно, требовали денег, один даже несколько раз стрелял из пистолета. Вспыхнул огонь, поднялся страшный шум. Ночевавшие у матушки люди кинулись прятаться под кровать, на печку. Кто-то со страху стал кричать «ура!» вместо «караул!», другой – кидать в грабителей стоявшими тут же бутылками с водой. Послушница Параскева, испугавшись, отдала все деньги, бывшие в то время в доме[3], и нападавшие ушли. Матушка же все это время не выказывала ни боязни, ни страха – так велико было у нее упование на волю Божию. «А мы потом всю ночь не могли заснуть», – вспоминала об этом эпизоде схимонахиня Евстратия. Старица, чтобы успокоить своих послушниц, рассказала им, что она видела, как Матерь Божия заградила окно, и бандиты не смогли сделать им никакого вреда. Наутро одна из послушниц по благословению матушки отправилась за священником, который пособоровал и причастил всех, быв-

[3] Часть денег была пожертвована матушке приходившими и приезжавшими к ней, а другая часть приготовлена для отправки в Почаев: люди, зная, что матушкины послушницы ездят в Лавру, давали им деньги вместе с записочками о здравии и о упокоении, чтобы те отвезли их в монастырь.

ших в то время у старицы. Страх у них после этого прошел, но о неприятном эпизоде долго еще вспоминали. Батюшка, приехавший их причастить, возмущался: «Подумать только, к кому же они лезли – к калеке!» Когда оказалось, что при стрельбе пострадали иконы – икона Покрова Матери Божией раскололась, а Архангела Михаила была повреждена – матушка очень скорбела: «Ой, ничего мне не жалко – иконы жалко!» Несколько пуль милиция вынула из потолка. Матушка, обладая даром прозорливости, знала грабителей – когда через несколько дней к ним пришла какая-то женщина, старица потихоньку сказала своим послушницам, что это мать одного из бандитов пришла их проверить. Но матушка не выдала преступников милиции, сказав: «Матерь Божия Сама за нас заступится». Вскоре один из грабителей внезапно умер.

Однажды летом по недосмотру ли или по чьему-то злому умыслу у матушки в домике случился пожар, сгорело почти все. Худенькая послушница Фрося, испугавшись, что матушка сгорит или получит ожоги, не стала дожидаться, пока кто-нибудь ей поможет – она одна подхватила матушку на руки и вынесла на улицу!

Купленный домик в селе Мордово был очень ветхим – как-то прохудилась крыша и во время дождя сильно протекала. Наступило лето, и мать Антонию привезли в Мордово. В этот момент начали перекрывать крышу, и вдруг пошел сильный дождь. Рабочие, которые ее чинили, временно подвесили над матушкой дверь, чтобы во время дождя на нее не попадала вода. Матушкины же послушницы пережидали ливень, скрываясь под столом. Несколько раз они просили матушку разрешить им перенести ее к соседям, пока не починят крышу, на что подвижница всегда неизменно отвечала: «Не надо. Мне здесь благословили быть. Никуда не пойду».

Но вот миновали искушения, жизнь пошла своим чередом. Как-то раз приехала навестить матушку ее духовная мать по постригу – схимонахиня Михаила. Однажды она сказала матушкиным послушницам: «Как я рыбки хочу...». А матушке об этом – ни слова. Но та тут же это провидела – зовет раба Божиего Ивана из села Матреновка, который иногда приходил к ним помогать по хозяйству, и велит ему: «Дядя Ваня, ты иди на пруд – поймай нам рыбку», – а сама, очевидно, помолилась, чтобы Господь послал ему хороший улов. Приходит Иван на пруд и видит, что на песке лежит большущий сом, бьется, но не может попасть обратно в воду. Рыба была настолько огромной, что Иван не смог в одиночку дотащить ее до матушкиного дома – позвал себе в помощь еще одного раба Божиего, сома с трудом затолкали в мешок и принесли домой. Нажарили матушкины послушницы рыбы, сварили ухи и накормили мать Михаилу.

У каждой старицы был свой образ жизни, свои добродетели и свой характер. Схимонахиня Михаила (Сарычева) была очень строгой, схимонахиня Серафима (Белоусова) – любвеобильной утешительницей, матушка же Антония, хотя и имела сильную любовь к людям, но больше молчала. «Она редко что расскажет, – вспоминала о ней схимонахиня Евстратия. – Иногда не вытерпишь: «Матушка, ну хоть сказали бы нам чего...». А она в ответ: «Маня, у меня вот тут, – показывает на грудь, – сумочка. Я в нее все и складываю».

Матушка была мудрой прозорливой старицей, но в то же время по чистоте ее душа была сродни детской. Как она могла радоваться таким обыкновенным явлениям, которые многие из нас просто не замечают! Например, однажды на улице пошел первый снег. Матушка обрадовалась: «Какой снег идет хороший!» – и попросила его принести. Сестра, которую она послала на улицу с этим поручением, недоумевала про себя: «Куда этот снег девать-то?» Матушка, провидя ее помыслы, сказала ей по возвращении: «Ведь этот снег Сам Господь дал!» – взяла его пальчиком, полюбовалась. «А он белый-белый, прямо кипенный! – вспоминала сестра, ходившая за снегом. – Потом матушка велела набрать еще и еще. А у самой было такое изобилие радости, будто она с Богом беседовала!» Затем матушка благословила сложить все в трехлитровую банку, снег растаял, и она эту водичку пила каждый день.

Хотя по болезни у матушки были слабыми даже ручки, но, несмотря на это, старица очень любила по мере сил подшивать головные платочки, которые приезжающие с радостью принимали от нее как благословение с надеждой на исцеление по ее молитвам ко Господу.

По просьбе матушки те, кто ездил по святым местам, привозили ей оттуда камушки – с Афона, из Иерусалима. У нее было очень много таких камушков. Иногда она клала их в водичку и благословляла потом эту воду пить...

Однажды келейница Фрося со своей сестрой Марией везли схимонахиню Антонию из храма села Ясырки (где служил тогда схиигумен Митрофан) домой на тележке, запряженной лошадью. В одном селе, завидев матушку, стали сбегаться люди. Какая-то женщина положила им в повозку хлеб, другая протянула огурцы, третья дала яички... Мария засмущалась, что подают им как нищим, на что матушка ответила: «Подаяния этих людей ценны пред Богом».

(Продолжение следует)

Знаменский монастырь возрождается

Восставший из руин

Глава 15

Когда отгремели последние залпы победного салюта 1945-го, в Елец стали возвращаться инокини разоренного Знаменского монастыря, у которых закончились сроки пребывания в лагерях и ссылках. Руины возлюбленной обители и затворенные двери городских храмов встречали их. Лишь в кладбищенской церкви во имя Казанской иконы Божией Матери теплились свечи и совершались службы. А потому и стали некоторые из вернувшихся матушек подвизаться при храме алтарницами.

О судьбах этих последних Знаменских монахинь, опочивших в Ельце и похороненных на старом городском кладбище, поведала старейшая жительница Ельца В. М. Полева. У каждого иноческого погребения – своя скорбная история.

Вот камень, под которым упокоена монахиня Матрона, отошедшая ко Господу в 1958 году. Отбывала срок «в таежном краю, в глухих местах». С ней разделяли лагерные тяготы матушки Акулина и Пелагея. Вместе и вернулись, вместе трудились в Казанской церкви. Рядом покоятся ныне.

Не оставлена памятью людской и могила матушки Марии (в миру – Гридневой или, по документам, – Гриневой). 10 лет отбыла она в лагерях, добиралась назад без копейки денег – где пешком, где людскою милостью. И все же сподобил Господь ее благополучно преодолеть огромное расстояние и добраться до Ельца.

Монахиню Меланию вспоминают как «молчаливую». Имела от Господа благодать молитвенную, а потому часто звали ее читать Псалтирь по усопшим. Мелания читала всю ночь стоя. Когда же предлагали присесть, отвечала коротко: "Я трудиться пришла, а не сидеть". Отпевал ее архимандрит Исаакий (Виноградов).

Кстати будет заметить, что этот славный не только в Ельце батюшка, весьма многое сделал для того, чтобы покоить столь многое претерпевших в советских лагерях каменногорских молитвенниц. Он, а позднее – и соратник его на поле битвы духовном – иеросхимонах Нектарий (Овчинников) немало потрудились, не только помогая тем матушкам, что приходили в храм и были известны. По их благословению, как вспоминает В. М. Полева, бывших знаменских монахинь, втайне доживавших свой век по елецким квартирам, специально разыскивали, чтобы утешить и дать им возможность по-христиански отойти в мир иной.

Вот, например, история монахини Анастасии. После разгона монастыря она поселилась у одной учительницы, пасла коз. Но в конце 1930-х мать Анастасия была арестована и осуждена на 10 лет. После ссылки вернулась в Елец, пришла к той же учительнице. "Примешь?". "Не могу я тебя принять, – говорит со слезами учительница. – И прогнать не могу. Если согласишься в подвале жить и никуда не выходить, то оставлю". Анастасия согласилась. Так и жила в вынужденном затворе. Знала об этом только соседка. Уж и Сталин умер, а она все в подвале жила. Но вот умерла и приютившая Анастасию учительница. А тут еще дом покосился, крыша под снегом проваливаться начала. Пришла комиссия, чтобы решить, что с таким жильем делать. Начали осматривать дом, и обнаружили мать Анастасию в подвале, где пол снегом был занесен. К счастью, времена уже другие были. Члены комиссии только заахали сочувственно, как же, мол, так жить можно и предложили оформить ее в дом престарелых. Но мать Анастасия только и сказала начальнику комиссии: "Это, деточка, ничего. В Сибири куда страшнее было. Так что никуда я отсюда не пойду". И оставили ее в покое, пока с аварийным домом бумажная волокита тянулась.

«Так и доживала она в подвале, – рассказала нам В. М. Полева. – Только, как все это открылось, мы узнали, рассказали отцу Николаю Овчинникову из Вознесенского собора. Он тут же денег дал. "Идите, – говорит, – наймите монтера, пусть ей свет в подвал проведет. Да печку туда поставьте". Так, с его благословения мы матушку Анастасию и доживали. И похоронили. Было это уже в начале 1960-х».

Кладбищенская церковь в честь Казанской иконы Божией Матери, на городском кладбище, близ которой покоятся прошедшие лагеря и ссылки монахини Знаменского монастыря

Некоторые из бывших монахинь Знаменского монастыря трудились в миру. Так еще одна матушка, носившая имя Анастасия, трудилась по возвращении из ссылки на кирпичном заводе.

По сохранившимся архивным документам известна судьба Марии На-

гавкиной, осужденной на 5 лет по «Задонскому делу» в 1929 году. Она бла-

Знаменский женский монастырь в годы разорения

гополучно пережила заключение, была участницей Великой Отечественной войны, дослужилась до офицерского чина. После Победы продолжала службу в Советской Армии. В 1950 году, 16 апреля, генерал-майор Российский, и.о начальника контрразведки Северной группы войск, базировавшейся на территории Польши, запрашивал «в порядке проверки» уголовное дело Нагавкиной М. С. «офицера Советской Армии, находящейся за пределами СССР»...

Вот, собственно, и все, что на сегодня известно о судьбах бывших монахинь и послушниц Каменногорья. А ведь было их на момент прихода к власти безбожников, объявивших себя властью рабочих и крестьян, около 300. Но уже к концу 1960-х годов об этом мало кто помнил. Хоть и минула остатки монастырских стен и башен Каменногорья горькая судьба взорванных в те годы елецких церквей, казалось, что и их со временем ждет тот же горький жребий – быть разрушенными если не дерзновенной рукой человека, то уж точно – неумолимым временем.

Меж тем случилось иное – разрушена и повержена оказалась та самая власть, что от имени народа ополчалась восемь десятилетий против Церкви Православной. Все чаще открывались двери возрожденных храмов, стали восставать из небытия и иноческие обители.

И в конце 1990-х годов инициативная группа православных ельчан взялась за возрождение порушенной обители. На обращение помочь в расчистке от строительного мусора и зарослей на занятой жилой застройкой территории монастыря, ремонте колокольни на первых порах откликнулось немало добровольцев из числа горожан. Вывезли немало мусора, расчистив руины храма. За алтарной частью разрушенной церкви установили крест, обустроили и предполагаемое место упокоения чтимой подвижницы благочестия – затворницы Елецкой Мелании. Сюда потянулись верующие, стали приезжать паломники.

Но основные труды по возрождению Знаменского монастыря начались, когда Елец стал вторым по значению городом основанной в 2003 году Липецкой и Елецкой епархии.

Возглавивший епархию преосвященный епископ Никон (Васин), с первых же дней возымел попечение о возрождении древней елецкой святыни, становление которой проходило некогда под окормлением святителей Воронежских Митрофана и Тихона.

И в Светлую седмицу 2004 года епископ Липецкий и Елецкий Никон благословил архимандрита Севастиана (Щербакова) быть духовником возобновляемой сестрической общины Каменногорья и осуществлять координацию восстановительных работ. Вместе с архимандритом Севастианом в Елец, на пепелище некогда знаменитого монастыря, во второй половине июня 2004-го прибыли 25 матушек, избравших для спасения стезю монашескую, дабы своими трудами и молитвами способствовать скорейшему возрождению древнего Знаменского монастыря.

Первым делом выкупили у тех, кто по воле власти заселил бывшие монастырские кельи, два практически брошенных домика. В них и разместились. Спать первое время приходилось на деревянных нарах в 2 яруса. Трудились – от рассвета до заката, расчищая заросли кустарника, густо покрывшие бывшую монастырскую территорию, убирая строительный мусор. Но матушки не роптали на скудость жизни и выпавшие на их долю тяготы.

– А мы и не должны привязываться к вещам, – рассказывала в одном из телеинтервью старшая монахиня Елецкого монастыря Херувима (Гончарова). – Не положено. И слава Богу, что быт у нас настолько скромный. Постель вот такая, очень скромная. Убогая, можно сказать. Постель, духовные книги и наше монашеское облачение, – чего нам еще желать? И за то спасибо, что Господь посылает нам возможность руками потрудиться во славу Его.

Старания матушек нового Каменногорья, столь много успевших сделать за лето и начало осени первого года пребывания в обители не остались незамеченными высшей церковной властью. 7 октября в Патриаршей резиденции в Троице-Сергиевой Лавре Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II возглавил заседание Священного Синода

Часовня и купель на святом источнике под Каменной горой

Русской Православной Церкви, на котором был заслушан рапорт Преосвященного епископа Липецкого и Елецкого Никона о благословении на открытие в городе Ельце Липецкой области Знаменского женского монастыря. И Синод постановил благословить открытие Елецкого Знаменского женского монастыря.

Так, спустя три четверти века, вновь появилась в реестре монастырей российских и возобновленная каменногорская община. Сегодня здесь спасаются 8 монахинь и 4 рясофорные послушницы да те, кто еще только проходит искус послушания.

Восстановленные святые врата и лестница ко святому источнику

За минувшее с того дня время попечением архимандрита Севастиана и матушки Херувимы удалось обезпечить вполне сносный быт для сестер.

Выстроены келейный корпус, трапезная (площадью 200 кв. м.) в два зала – для матушек и для паломников. Есть современно оборудованные прачечная и баня. Серьезная работа проведена по укреплению сохранившихся стен и башен. Практически завершен внешний ремонт колокольни со святыми вратами. Построены небольшие кирпичные домики, где разместились кельи руководства обители и административные службы.

Менее года потребовалось, чтобы обустроить святой источник при подножии Каменной горы, именуемый в народе «Меланьиным», в память о Знаменской подвижнице. Здесь при поддержке многих городских предприятий выстроен целый комплекс сооружений, включающий часовню во имя иконы Матери Божией «Живоносный Источник» и купель с благодатной водой.

А вот до возрождения старательно разрушенного большевиками Знаменского храма пока еще далеко. Хотя и выведены стены нижнего яруса по старинному проекту, разысканному местным архитектором и краеведом А. В. Новосельцевым, но, чтобы прежнее здание храма во всей красе вновь вознеслось над Каменной горой, надо немало потрудиться. Главное – для этого нужны деньги, причем, счет, вполне понятно, идет на миллионы рублей.

Немалые средства нужны и на решение одной из самых больных на сегодня проблем возрождаемой обители – освобождению территории монастыря от появившихся по воле прежней власти в старинных кельях квартирантов. Новая, «несоветская», власть от решения этой проблемы попросту устранилась. А потому и приходится обители за свой счет переселять тех, кто проживает ныне в бывших монастырских кельях. К июлю 2006 года было таким образом выкуплено 7 домиков. Причем, решение вопроса с освобождением обители от мирских поселенцев – необходимость весьма настоятельная, ибо такое вынужденное соседство уже не один месяц служит источником конфликтов, нарушающих покой Каменногорья. Так, пожарные уверенно квалифицировали как поджог случившийся по осени 2005-го пожар в одном из деревянных келейных корпусов, где ранее были квартиры. Вот только виновные не найдены до сих пор...

В одном из вернувшихся к обители зданий устроена и домовая церковь во имя иконы Божией Матери «Знамение» Курской-Коренной. Вот только главная икона здесь – репродукция сгинувшей безвестно древней чудотворной святыни, некогда вышедшей невредимой из пламени природного. А сам храм – пока единственный действующий на территории Каменногорья.

Не за горами уже тот день, когда завершится монтаж деревянной церкви во имя святителя Николая, чудотворца Мир Ликийских, собираемый в восточной части монастырской территории, близ места, которое считается ныне могилой матушки Мелании. Этот храм сооружается в воспоминание о действительно бывшей здесь когда-то малой бревенчатой церковке во имя особо чтимого на Руси святителя.

А еще в ведение Знаменского монастыря передан расположенный несколькими кварталами ближе к центру города старинный храм с главными престолами во имя образа Спаса Нерукотворного и Рождества Христова. Его восстановление силами обители уже завершено. Здесь с 2006 года уже совершаются службы.

Откуда же берутся средства на масштабное это строительство и возобновление порушенного? «Помощью Божией и милостью людскою», – смиренно улыбается архимандрит Севастиан.

Но, заметим, милости этой здесь не ждут, сложа руки, а активно ищут. В том числе, используя такой старинный способ, как «кружечный сбор». Стоят в людных местах на елецких улицах знаменские матушки с кружками для сбора подаяний, едут в другие города с надеждой на отзывчивость и щедрость сердец православных. И Господь, видя такое их рвение, отворяет многие сердца, подвигая благотворить возрождаемой на Каменной горе обители и малых мира сего и великих...

Трапезный и келейные корпуса возрожденного Знаменского женского монастыря

Л. МОРЕВ

Святитель Иоанн Златоуст

О крестном знамении

Святитель Иоанн Златоуст

(из беседы на Евангелие от Матфея)

Никто не стыдись достопоклоняемых знаков нашего спасения, которыми мы живем, и начала всех благ, которыми существуем. Но как венец будем носить крест Христов, ибо чрез него совершается все, что для нас нужно: нужно ли родиться — предлагается нам крест; хотим ли напитаться таинственною сею пищею, нужно ли принять рукоположение или другое что сделать — везде предстоит нам сей знак победы. Потому-то мы со всяким тщанием начертываем его и на домах, и на стенах, и на дверях, и на челе, и на сердце. Ибо крест есть знамение нашего спасения, общей свободы и милосердия нашего Владыки, Который *яко овча на заколение ведеся* (Ис. 53, 7). Посему когда знаменуешься крестом, то представляй всю знаменательность креста, погашай гнев и все прочие страсти. Когда знаменуешься крестом, пусть на челе твоем выражается живое упование, а душа твоя делается свободною.

Без сомнения, вам известно, что доставляет нам свободу. Посему апостол Павел, склоняя нас к сему (я разумею свободу нам приличную), упомянув о кресте и Крови Господней, убеждает сими словами: *ценою куплени есте, не будите раби человеком* (1 Кор. 7, 23). Помышляй, говорит, о дорогой цене, которая заплачена за тебя, и не будешь рабом ни одного человека, а под дорогою ценою он разумеет крест. Ибо не просто перстом должно его изображать, но должны сему предшествовать сердечное расположение и полная вера. Если так изобразишь его на лице твоем, то ни один из нечистых духов не возможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя то оружие, от которого получил смертельную рану. Ибо если и мы с трепетом взираем на те места, где казнят преступников, то представь, как ужасаются диавол и демоны, видя оружие, которым Христос разрушил всю силу их и отсек главу змия.

Итак, не стыдись столь великого блага, да не постыдит и тебя Христос, когда придет во славе своей, и когда сие знамение явится пред Ним светлейшим самых лучей солнечных. Тогда крест сей самым явлением своим как бы скажет в оправдание Господа пред целою вселенною и во свидетельство, что с Его стороны все сделано, что только было нужно.

Сие знамение и в прежние и в нынешние времена отверзало двери запертые, отнимало силу у вредоносных веществ, делало недействительным яд и врачевало смертоносные угрызения зверей. Ибо, если оно отверзло врата адовы, отворило твердь небесную, вновь открыло вход в рай и сокрушило крепость диавола, то что удивительного, если оно побеждает силу ядовитых веществ, зверей и всего тому подобного?

Итак, напечатлей крест в уме твоем, и объими спасительное знамение душ наших. Ибо сей самый крест и преобразовал вселенную, изгнал заблуждение, ввел истину, землю обратил в небо, людей соделал Ангелами. Когда при нас крест, тогда демоны уже нестрашны и неопасны; смерть уже не смерть, а сон.

Крестом все враждебное нам низложено и попрано. Посему, если кто скажет тебе: «Ты поклоняешься Распятому», — отвечай ему радостным гласом и с веселым лицом: «Поклоняюсь и не перестану поклоняться». Если он засмеется, ты оплачь его безумие и благодари Господа, что Он оказал нам такие благодеяния, которых без откровения свыше и познать никто не может. Ибо и он смеется потому только, что *душевен человек не приемлет, яже Духа Божия* (1 Кор. 2, 14); ибо это же бывает и с детьми, когда они видят что-нибудь великое и удивительное, если и объяснять ребенку станешь тайну, он засмеется. И язычники подобны таким детям, даже и их безрассуднее, почему и более достойны сожаления, как поступающие по-детски не в детском, а в совершенном возрасте, за что не имеют никакого извинения. Но мы, хотя бы предстали все язычники, мы тем с большим дерзновением, громким, сильным и высоким голосом взываем и говорим; а когда предстанут все язычники, еще с большим дерзновением вопием, что КРЕСТ ЕСТЬ НАША ПОХВАЛА, НАЧАЛО ВСЕХ БЛАГ, ДЕРЗНОВЕНИЕ И ВСЕ НАШЕ УКРАШЕНИЕ!

«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

ЧАСТЬ 3

Кавказ. Первое искушение. Путь на Амткел

Итак, мы остановились на том, что едем на Кавказ. Но куда «на Кавказ»? Кавказ ведь большой. Начали внимательно изучать карту. Смотрим, какой-то Новый Афон есть. Решили: давай поедем на Новый Афон. Купили билеты и поехали.

Взяли с собой рюкзаки, одежду. У меня была солдатская шинель, у Михаила – пальто. Из книг взяли Библию, Псалтирь, молитвослов, часослов и часть июльской Четьи-минеи.

Приехали на Новый Афон. Посмотрели, что городишко маленький, и решили, не выходя из поезда, поехать в Сухуми. Прибыли уже под вечер – пришлось ночевать на вокзале. И тут мы столкнулись с первым «страхом»: когда зашли за угол вокзала, то увидели, как избивают человека. Невольно подумалось: «Ну, здесь советской власти нет, раз вот так принародно бьют, и как будто никто не видит!» Потом мы уже поняли, что это враг начал нагонять нам страхи – мол, куда вы попали?!

Но мы все-таки имели твердое намерение уйти в пустыню. В Великий пост этого года в соборе мы слышали чтение жития преподобной Марии Египетской, и нас очень тронуло и глубоко запало в душу повествование о том, как она оставила все и ушла в заиорданскую пустыню, ее решительность. При выходе из мира мы также прочитали 26-й псалом (в житии сказано, что в одном монастыре, когда братия выходили в пустыню, то читали 26-й псалом). Вот и мы тоже прочитали этот псалом и отправились в путь. И потому с такой вот, не будь громко сказано, решительностью мы шли вперед.

Утром мы купили туристическую карту Черноморского побережья Кавказа и начали думать: куда же нам направиться дальше? Смотрим: есть какое-то озеро Амткел... Посовещавшись, решили идти на это озеро. Местные жители рассказали нам, как туда попасть. Раз в неделю собирается туристическая группа, и есть автобус, который ходит в том направлении. «Если хотите попасть туда раньше, езжайте до Цебельды, а там вам подскажут». Так мы и сделали.

Окрестности местности «Холодная речка»

Добрались до Цебельды. Сошли с автобуса, спрашивать никого ни о чем не стали, а пошли прямо по дороге – только бы куда-нибудь подальше в горы...

Был как раз самый солнцепек. Идем – жара нестерпимая, пот градом катится, пить хочется, и воды нет нигде. В Цебельде в то время не было ни колодцев, ни источников – потом уже провели водопровод. Дошли кое-как до следующего селения. Постучались в первый попавшийся дом, попросили воды. Вышел хозяин-армянин, принял нас, дал напиться, накормил немного. Видит – мы похожи на туристов. Спрашивает:

– Куда идете, ребята?

– На Амткел.

– А-а, на озеро!.. Знаю я это озеро! Там монахи жили – такие бездельники!.. (Я думаю: «Ничего себе!.. Здесь, оказывается, монахи живут?») ...Поубегали из колхозов, не захотели работать – там отсиживались!.. У них рацию обнаружили, они шпионы были!.. (Думаю: «Как же так? Человек с высшим образованием, и у него сочетаются "колхозники" и "шпионы" вместе». Хотя, впрочем, для советского человека мыслить так было свойственно). ...Их вертолетами вывозили, разогнали... их там очень много было – такие там тунеядцы сидели!.. А вы на этом озере были?

– Нет, не были.

– Ну, я вам сейчас нарисую карту, как туда попасть.

Нарисовал нам «карту», и мы пошли, радуясь и благодаря Бога за такую «информацию» – за чудный Промысл Господень о нас, грешных.

Первая ночь в горах. Вражьи козни

Начало смеркаться. Нужно было где-то искать ночлег. Дошли мы до одного красивого места, именуемого, как мы после узнали, «Холодная

Речка». Это – ущелье, по обеим сторонам его нависают скалы, посередине вьется змейкой неширокая река, кругом растет самшит, покрытый мхом. Прямо как в сказке. Расположились мы в этих зарослях под открытым небом, насобирали мха и улеглись спать.

Часов в одиннадцать вечера слышим какой-то шум. Вдруг подъезжает одна машина, другая, третья... Выходят девушки, ребята. Развели костер, включили музыку «на всю катушку», и началась гулянка-пьянка... А мы метрах в тридцати-сорока от них в кустах лежим. Продолжалось все это часов до трех ночи. Наконец, они справили свое веселье, сели на машины и уехали.

Мы, конечно, пришли в смущение. Враг снова начал нагонять страхи, внушать: «А, может, все-таки вернетесь? Куда вы идете? Смотрите, что здесь творится: там – людей избивают, тут – гулянки-пьянки...»

Милость Царицы Небесной. Вперед, в горы!

С Божией помощью мы удержались. Михаил утром встал и говорит:

– Знаешь, нам бояться нечего. Сегодня я видел во сне Божию Матерь с Младенцем – так, как изображают Ее на иконе «Знамение». Она низко-низко к нам опустилась и потом медленно поднялась и пошла в сторону озера... Значит, нам по этому ущелью надо идти вперед в горы, не обращая внимания ни на какие смущения.

Это было, конечно, для нас сильным подкреплением. Мы поняли, что Матерь Божия вразумляет нас, как бы так говорит: «Куда направились, туда и идите. Я вас покрываю и нечего бояться этих страхов – Господь не оставит вас...»

Поблагодарили мы Господа и Царицу Небесную и продолжили свой путь.

Новые трудности. «Где мы?» Михаил теряет сознание

Перейдя речку, мы начали подыматься в гору. Местность скалистая, кругом каменные осыпи, состоящие из глыб разных размеров, больших и маленьких. Под ногами сыпучий камень-щебенка, поэтому тропы почти не видно. Она там только одна, по ней местные пастухи гоняют скот, и идти надо очень точно. Если собьешься – залезешь в дебри и будешь ходить неизвестно сколько.

Озеро Амткел

И вот мы сбились и пошли в эти «дебри». Полдень, жарко, мы с рюкзаками... Михаилу с сердцем стало плохо – здоровье у него было слабенькое. Я растерялся: не знаю, что делать, чем помочь (ведь даже воды нет) и не знаю, куда идти – вижу, что мы уже сбились с тропы. Слава Богу, увидел нас местный пастух, начал нам кричать:

– Э-э!.. Куда вы! Куда вы! Здесь тропа! Здесь тропа!..

Выбрались мы кое-как на тропу, и пошли дальше.

Дошли до озера, расположились на ночевку. Утром пробудились от какого-то стука. Смотрим: старый, сгорбленный человек, по виду грузин, работает топором. Вид у него такой суровый... Думаем: «Это, наверное, лесник». Мы же не знали, в каком положении здесь находимся, поэтому боялись каждой встречи, т.к. она могла обернуться для нас самыми непредвиденными последствиями. Как позже выяснилось, то был брат лесника. Он приходил смотреть бревна, которые сносит река, чтобы выбрать себе что-нибудь для хозяйства.

Вокруг озера. Бесовские смущения

Нам предстояло переправиться на другую сторону озера. Можно было идти по берегу, и можно было переправиться по воде. Переплыть, конечно, было бы гораздо проще, но ни лодки, ни плота у нас не было. В одном месте около берега мы обнаружили какой-то плот, но трогать его не стали – побоялись, что если поставим его на другом берегу, скажут: «Куда делся плот? Кто там пошел в горы?» Поэтому решили идти по берегу.

Обходили мы это озеро с большими трудностями. Путь нам постоянно преграждали огромные каменные глыбы величиной с дом, а иногда и больше. По преданию около ста лет тому назад здесь было землетрясение. В земле образовалась большая трещина, заполнилась водой, и получилось озеро. Сейчас его каменистый берег зарос всевозможной растительностью: деревьями, рододендроном, колючим кустарником «держи дерево», острые шипы которого цепляются за одежду очень ловко...

И вот заберешься на каменную глыбу, продвинешься вперед на пятьдесять метров – обрыв. Спускаешься, ищешь, как залезть на другой камень. Влез на него – опять обрыв. Приходится спускаться. Пытаешься протиснуться между глыбами – там тоже нет хода. Снова возвращаешься назад...

Так мы «толклись» в этих каменных дебрях до самой ночи. Уже в сумерках вышли на пологий земляной берег, где можно было устроиться на ночлег. Балаганчик делать не стали, а просто расстелили под кустами свои пожитки, распаковали рюкзаки и легли отдыхать.

Утром проснулись от разговора, за которым последовал взрыв, второй, третий... Мы, конечно, в страхе и ужасе: «Куда мы попали?! Что здесь происходит в такую рань?!» Немного придя в себя, все-таки решили высунуться из своего убежища и определить причину взрывов. Смотрим: какие-то люди глушат рыбу. Поглушили, собрали улов и отправились в горы (как мы потом узнали, то были местные пастухи).

Когда, наконец, все успокоилось, я пошел к озеру за водой. Только начал набирать, вдруг – змея.[1] Ну, надо

[1] По всей вероятности, водяная (*прим. ред.*).

же!.. Вместе с водой чуть было не зачерпнул эту гадину! Опять страх...

Много было подобных смущений. Но все-таки, с Божией помощью, мы на них старались не обращать внимания.

Мыши пируют. Неожиданная находка

Нашли мы себе сухое место, обосновались и начали разбирать свои «припасы». Михаил, который занялся этим делом, подозвал меня и говорит: «Видишь, что у нас осталось?» У нас была гофрированная капроновая бутылка с постным маслом литра на полтора – ее внизу проела мышь, и все масло вытекло. Баранки наши тоже растащили мыши. Так интересно было смотреть: ухватит мышка баранку и тащит. В зубы ее берет, а она ей закрывает оба глаза – и так, и этак приспосабливается, пока не возьмет так, чтобы один глаз был в баранке, а другой – вне баранки, чтобы ей было видно, куда бежать, нести эту баранку. Так они «освободили» нас от баранок и от масла. Осталось у нас только пачка соли, пачка сахара, немного просфор и святой воды и грамм двести конфет. Начали мы тогда собирать крапиву и мелиссу, варить и есть эту траву.

Как-то раз я ходил по берегу, искал какие-нибудь старые гвозди, чтобы самому сделать примитивный плот для дальнейшего нашего продвижения по воде. Ходил, ходил и случайно наткнулся на место бывшего рыбацкого балаганчика – там от него осталось-то всего два или три бревна, сбитые «в угол». Подошел: может, там что-нибудь есть? Посмотрел, вроде бы ничего нет. Отошел метров пять, вдруг слышу – бревна хрустнули и с треском развалились. У меня помысел: «Иди, посмотри, может быть, там все-таки что-нибудь есть». И в то же время думаю: «Да что там может быть? Ведь только что смотрел...» – «Ну, иди, иди... что тебе, трудно?» Возвращаюсь. Смотрю – там, где разломились бревна, лежит какой-то кулек. Я к нему – а там килограмма три или четыре перловой крупы. Вот это находка! Слава Богу! Теперь у нас и крупа есть.

Принес Михаилу, он обрадовался. Стали мы тогда делать такое кушанье. Насобираем крапивы, мяты, две-три ложки крупы туда, и получается: сверху зеленый «суп», а ниже – зеленая «каша»...

Однако мы побоялись согласиться с мыслью, что эта крупа послана нам чудесно, поэтому решили вернуть деньги ее хозяевам – они у нас все равно были. Взяли три рубля, написали записку: «Простите, нам понадобилась крупа, а мы вот вам возвращаем деньги», и положили на то место. Перловка в те времена стоила двадцать восемь копеек, так что на три рубля можно было взять целых десять килограмм.

Озеро Амткел, вид с тропы

Поиски монахов

Недели через две пришли мы к выводу, что нужно что-то предпринимать. Думаем: «Что так сидеть? Надо что-то делать». Решил я подняться на гору, поискать монашеские кельи, о которых говорил нам армянин из селения. И еще я хотел осмотреть местность – можно ли пройти дальше, потому что так, как мы шли раньше, берегом озера, двигаться не было уже возможности. Только нужно было выходить наверх и искать тропу. Это как раз в том месте, где, по словам монаха Меркурия, жили приозерные монахини.[2] Правда, там уже не сохранилось никаких построек, остались лишь лужайки, на которых пасли скот. Но скот к середине лета уже угнали на альпийские луга, а троп осталось много.

Дошел я до полян, смотрю: все истоптано скотиной. Походил-походил, эти «скотские» тропы меня запутали. Грустно, конечно, мне стало – увидел, что келий нет, монахов нет... Так и вернулся обратно ни с чем на озеро.

Плот. Неприятное соседство. «А где здесь магазин?»

Пожили мы на том месте некоторое время, потом решили: «Нет, нужно все-таки идти дальше, здесь сидеть нечего». Пройти по берегу нельзя, значит, нужно делать плот и плыть по воде.

Только мы так решили, смотрим – по озеру плывет плот. Причем почти нет ветра, а плывет он прямо к нам, к нашему балаганчику. Сидим, разговариваем, а он все ближе, ближе... Я не стал дожидаться, когда его прибьет к берегу, вижу, что это плот «для нас». Залез в воду, вытащил. Но радость наша была преждевременной – плот оказался слишком маленьким. Когда мы вдвоем попытались забраться на него вместе с нашими рюкзаками, он начал сильно погружаться в воду от тяжести. Пока мы думали, что же предпринять, вдруг смотрим, по озеру плывет другой плот, и тоже прямо к нам. Мы обрадовались, вытянули его из воды, скомбинировали из двух один, сели на это сооружение и поплыли.

Доплыли до того места, где река впадает в озеро. А там очень опасно – вода крутится, и получается водоворот из бревен и всякого мусора, который несет с гор вода. Но с Божией помощью мы благополучно пристали к берегу.

Высадились, смотрим: метрах в трехстах от нас стоит палатка, и около нее трое ребят и две девушки растягивают целлофановый балаган. Да-а... таких соседей нам иметь не очень-то хочется... Что делать? Я говорю Михаилу: «Ладно, давай разведем костер, будем готовить обед, а там видно будет», – чтобы не стоять, не смотреть на них, а хоть чем-то заняться. Так мы и сделали. Потом по-

[2] См.: монах Меркурий. «В горах Кавказа. Записки современного пустынножителя». Издательство «Православный паломник». 1996. (*прим. ред.*).

думали и решили: чтобы не показаться подозрительными, надо подойти к ним и о чем-нибудь спросить. Пошел я... Иду, а сам думаю: «Что у них спрашивать?» Не знаю ведь даже, что и спросить. Ну, что пришло первое в голову, то и сказал.

– Ребята, – говорю, – а где здесь магазин? Где можно хлеб купить?

Сначала воцарилось молчание. А потом наши соседи, жестикулируя руками и перебивая друг друга, оживленно заговорили:

– А-у!.. А-у!.. Слюшай, слюшай, какой тебе магазин? Какой здесь хлеб? Магазина здесь нет! Хлеба здесь нет! Слюшай, как сюда попал?!!

– Как? На плоту приплыл.

– А, во!.. На плоту!..

Я, конечно, почувствовал, что «ляпнул» что-то невпопад, но делать было уже нечего. Вернулся к Михаилу и сели мы обедать.

Вдруг смотрим: напал на наших туристов какой-то страх. То они разворачивались, а то начали сворачиваться. Свернули целлофан, палатку, сложили все свои пожитки в резиновую лодку и идут, спускаются сюда к нам. Подходят и бросают нам сгущенку, хлеб, молоко – почти все свои припасы выгрузили: «Мы уходим, мы уходим!» Сели в свои две резиновые лодки и поплыли.

Мы, конечно, не ожидали такого оборота. Ну, думаем, слава Богу. Значит, уже есть у нас и хлеб, и сгущенка, и другие продукты. Спаси их, Господи!

Тут мы поняли, что это Господь все так устроил...

Переправа

Пообедав, мы решили до наступления темноты перебраться на другой берег реки. Видим – речка неширокая, но течение быстрое. Мы, конечно, не знали, насколько это опасно для жизни, поэтому решались, сами не зная, на какую опасность. То, что мои ботинки могут расклеиться – это я хорошо понимал. Тогда я решил их сухими перебросить на ту сторону речки, а на другом берегу надеть. Связал два ботинка вместе и бросил. Но они полетели не на тот берег, а прямо в воду, причем на середину реки. Я с таким ужасом посмотрел, как они падают, кинулся за ними – поймать бы... да куда там! Течение такое, что ворочаются огромные камни под ногами, вижу, вот-вот меня самого унесет. Вылез обратно. Все: пропали ботинки! Что делать? Ну, пропали – пропали, что ж теперь? Вперед, да и все.

Помолились мы, поискали подходящее место для переправы и пошли вброд. Переправа эта оказалась

Горная река

намного сложнее, чем мы предполагали. Вода достигла нам выше пояса, погрузились в воду даже рюкзаки. Кто знаком с горными реками, тот знает, что в таком случае вода сбивает с ног и несет человека без всякой задержки. Но Господь не попустил случиться этому по великой Своей милости, и мы безбедно достигли берега.

Балаган. Холодный душ

Обосновавшись на сухом месте, мы прежде всего позаботились об устройстве жилища. Нашли несколько обломков бревен, сложили их буквой «П», сверху бросили несколько длинных прутьев, крышу покрыли двумя кусками полиэтилена. Получился балаганчик 2,5 х 1,5 метра, высотой меньше метра – едва можно было залезть спать.

Лето в тот год было дождливое, и нам приходилось очень часто (и днем, и ночью), когда шел дождь, выливать пузыри скопившейся на крыше воды. А если не успеешь вылить – выльется на тебя. Особенно неприятно было принимать этот «холодный душ» во время сна.

Ночью по устью реки с гор дул холодный ветер. Мы так замерзали, что не могли сложить пальцы для крестного знамения. Утром нужно было сначала развести костер и отогреть окоченевшие руки, чтобы иметь возможность перекреститься.

Конечно, трудновато нам приходилось, но мы как-то с этим мирились, не унывали.

Дар Божий

И вот Господь удивительным образом показал нам на опыте, что Он никогда выше сил испытаний не попускает. В миру я всегда страдал хроническим насморком из-за искривления носовой перегородки. Если где-то немножко простыну, сразу появлялся насморк. И ангина у меня была хроническая с очень частыми обострениями. А потому, конечно же, меня смущали помыслы: «Что со мной здесь будет? Хожу босиком по холодной воде, по холодным камням, так замерзаю ночью, коченею – теперь, наверное, разболеюсь совсем». Однако, к моему удивлению, ничего со мной не случилось! Ни насморка, ни ангины, ни малейшего недомогания... Чувствую себя отлично, не хожу, бегаю – будто птичка летаю!

Ботинки нашлись

Прошло несколько дней. Однажды собирал я крапиву по берегу речки, и вдруг мне приходит мысль: «А ты иди, посмотри, может, где-то там твои ботинки есть?» Думаю: «Какие ботинки? Откуда они возьмутся? Такая вода, что камни ворочает, ботинки ведь не выплывут сами из воды» – «Ну, иди, иди... что тебе? Все равно ты ничего не делаешь». Думаю: ладно, пойду. Пошел. Прихожу на то место, где речка впадает в озеро. Вдруг, к моему большому изумлению, вижу, что на той стороне речки стоят... вроде бы, мои ботинки... Не поверил своим глазам. Пригляделся – да, точно они! Стоят очень аккуратненько, рядышком, как будто кто взял и поставил один к другому – как на обувной полке. «Ну, – думаю, – если это мои ботинки, то надо их забрать». Залез в воду, перешел на другую сторону речки, взял свои ботинки. Принес их к нашему балагану, показываю Михаилу:

– Вот, – говорю, – мои ботинки.

– Да неужто?!!

Ну, слава Богу. Так я снова оказался в ботинках.

(Продолжение следует)

Кротость спасает

Сказание из Пролога

Однажды преподобный Серапион пришел по какому-то делу из пустыни, где жил, в город. Здесь он встретил блудницу. Серапиону жалко стало падшей женщины, и он начал усердно молить Господа о ее спасении. Блудница, услыхав молитву о ней, спросила:

— О каком спасении меня ты просишь Бога?

— О спасении от вечного огня, — отвечал преподобный Серапион. — Когда Господь Иисус Христос, как обещал, придет судить всех живых и мертвых, тогда Он воздаст каждому по делам его: и праведники пойдут в жизнь вечную, а грешники — в муку вечную, где будет плач и скрежет зубов, огонь неугасимый и черви неутолимые...

— Какие же грешники будут так страшно мучиться? — продолжала спрашивать, насмешливо улыбаясь, блудница.

— Святой апостол Павел говорит: ни пьяницы, ни блудники, ни прелюбодеи Царствия Божия не наследуют. Сам же Спаситель говорит, что лучше бы не родиться тому человеку, который соблазняет на грех других людей, лучше бы такому человеку утонуть в пучине морской с тяжелым камнем на шее: его ожидает ужасная участь на Страшном суде Божием.

— Ужели блуд такой тяжкий грех?

— Да, дочь моя, это страшный грех. Если Господь строго предостерегает даже смотреть с нечистым пожеланием на женщину, то каково же в очах Божиих самое осуществление блудных вожделений!..

— Но почему именно ты хочешь моего спасения? Не все ли тебе равно: спасусь я или нет? Ведь я для тебя чужая...

— Нет, ты для меня не чужая, — продолжал преподобный участливо по-отечески поучать блудницу, — ты для меня близкая, родная. Ты, как и я, создана Богом по образу Его и по подобию, мы оба с тобою представляем из себя, по учению апостола Павла, храмы Духа Святого, живущего в нас, у нас течет в жилах одна кровь, ибо мы все от Единого рождены, нас животворит одна благодать Святого Духа, ибо мы рождены от воды и Духа и имеем Единого Отца, Иже на Небесех... Ты мне близка еще и потому, что оставлена всеми, забытая и поруганная, слабая и беззащитная... Нет у тебя человека, который бы пожалел тебя и научил добру, приблизил бы к Всемилостивому Спасу; напротив, все, ищущие тебя, суть враги твои, которые ради удовлетворения своим скотским похотям толкают тебя к погибели... Мне жаль тебя потому, что я, как христианин, обязан жалеть обиженных...

Слушая отеческое, участливое наставление преподобного Серапиона, блудница прониклась сознанием страшного греха и чувством раскаяния и, упав в ноги преподобному, воскликнула:

— Отче, будь милостив, куда хочешь, отведи меня, только бы мне спастись, ведь ради этого Сам Господь послал тебя ко мне!..

Преподобный Серапион взял несчастную с собою и привел ее в женский монастырь. Здесь он, поручая ее попечению игумении, сказал последней:

— Не накладывай на нее никакого запрещения, но пусть живет, как ей угодно, не трогай ее...

Игумения сама была опытная в деле исправления душ человеческих, поэтому, приняв к сведению повеление старца, сделала распоряжение сестрам, чтобы они обращались с новой инокиней кротко и ласково, не напоминая ей прежнего ее поведения.

Кротость и ласковое обращение сделали чудо: грешница, наконец, стала на путь спасения.

Спустя некоторое время бывшая блудница пришла к игумении и стала просить, чтобы та благословила ее в затвор. Игумения сказала:

— Но можешь ли ты, дочь моя, снести это? Помни, что труды и подвиги надо брать по силам...

— Бог подкрепит меня по твоим молитвам, — отвечала новая инокиня. — Если я безропотно несла прежде иго блудного беса, то как же мне не стыдно будет не понести теперь, в оправдание моих тяжких грехов, легкого и благого ига Христова?

Бывшая блудница затворилась и, подвизаясь в молитве и посте, пребывала в затворе до самой своей блаженной кончины.

Свящ. П. Поляков.
«РУССКИЙ ПАЛОМНИК»,
N 36, 1910 г.

КУДА СВЕЧКУ СТАВИТЬ?

Сторочили они меня долго. При первом же моем визите в Центр реабилитации детей и подростков Орджоникидзевского района на мне буквально повис юркий, аккуратный парнишка и, глядя в глаза, законючил: «Ты будешь к нам приходить? Приходи, а! Фотки, фотки мне сделаешь? Сделай, а! Я ждать буду, смотри, ты при всех обещала, а!»

При следующем появлении я отдала ему фото. Он как-то вяло взял их и сразу ушел. Вскоре вернулся и, заглядывая в глаза, заныл: «А фотки, фотки принесла?»

– Я же тебе только что отдала!

Он взвизгнул и подскочил: «А, опять Сашке!» Заплакал и убежал.

Это повторялось несколько раз: я приносила фотографии, дарила ему и опять была та же обида. В конце концов я обратилась к директору.

– Зря Вы им фотографии дарите, каждому хочется иметь, вот и крадут друг у друга, – с досадой осадила она меня, но сразу же смягчилась, – кому хоть давали-то?

Я показала.

– А, вот что. Это братья, Саша и Игорь. Очень похожи, их знать надо, тогда не спутаешь.

– Двойняшки, – обрадовалась я разгадке.

– Да как сказать. У них разница полтора года и отцы разные, из родни только мать, прав пока не лишили, в рабочем общежитии рядом живет. Старший Саша – прирожденный математик, прямо аналитик, очень хорошо учится. Ну, а Игорь ... Сами поймете, великий комбинатор отдыхает.

Со временем я поняла. Сколько раз попадала я в его ловушки, хитро придуманные авантюры, так быстро и ловко сплетенные ситуации.

В тот день Игорю исполнилось девять лет, и мне удалось устроить для них автобусную экскурсию по храмам. Дорогое это удовольствие, да и тема сложная «Дорога к храму»: знакомство с Православием и посещение центральных храмов столицы Урала, а в конце поездка в мужской монастырь Всемилостивого Спаса в поселке Елизавет.

У ворот монастыря нас встретил спокойный, даже медлительный отец Варнава в полном монашеском облачении. Первый монах в их жизни. Он напомнил, как вести себя в храме, как свечу поставить, как это важно от всего сердца обратиться ко Господу. Я раздала свечи, и мы вошли.

Игорь сновал по храму от одного подсвечника к другому. Меховая шапка лезла на глаза, и он запрокидывал голову, вглядываясь в лики. В церкви он впервые и когда будет в следующий раз – неизвестно. Поэтому ошибиться нельзя, нельзя прогадать. В коротенькой его жизни много обидного и злого, но это уже привычно, он с этим вырос. Здесь же жила надежда, надо только правильно все сделать, чтобы обязательно помогло.

– Что мечешься-то? – невозмутимо поинтересовался отец Варнава.

– Свечку-то куда ставить?

– Как слушал, ведь объяснял: за упокой – к кресту, за здравие...

– Да не за упокой и не за здравие, – нетерпеливо оборвал его Игорь.

– А за что же? – изумился молодой монах.

– Да чтоб из дома не бегать, – досадуя, назидательно объяснил Игорь.

– А ты не бегай! – продолжал удивляться отец Варнава.

Малой от такой дремучей непонятливости даже назад откинулся, чтобы хоть разглядеть такого чудака.

– Так ведь не кормят, а бьют!!! – выпалил он, втолковывая неразумному собеседнику. От неожиданности о. Варнава опешил, потом спросил:

– Шапку-то почему не снял? Храм здесь, объяснял же я вам...

– Дак куда ее, шапку-то? Свечку поставить надо! – свечу он крепко держал двумя руками.

Как часто слышала я потом детскую горькую эту фразу – не кормят, а бьют!!!

Повидаться перед отъездом в Воронеж ни с Сашей, ни с Игорем мне не удалось. Незадолго до этого вернулся из заключения Сашин отец, хотел жениться и усыновить братьев. Опека перед оформлением определила месячный испытательный срок, и ребят отдали матери. За этот месяц все вроде бы шло хорошо, но оставались сомнения – и срок продлили.

Через две недели пришел Сашин отец и плача, попросил забрать детей в Центр. Крупный, сильный русский мужик, немалый срок оттянувший в тюрьме, плакал перед женщиной в тесном ее кабинетике. Плакал от обиды, от безсилия перед рюмкой в женской руке, от рухнувших выстраданных за долгие годы надежд на дом, семью, детей. Ни сил, ни терпения на поведение их матери у него не хватило: она пила, гуляла в открытую, глумясь над ним. Он кое-как управлялся с хозяйством.

Отец еще сидел в кабинете директора, когда вернулись из школы Катя с Олегом. Они встретили Сашу и Игоря у пивного бара, те просили деньги и собирали бутылки. Особенно негодовала Катя на то, что братья грязные, плохо выглядят и худо одеты.

На следующий день позвонили из больницы, сообщили, что оба парня в реанимации с тяжелой формой гепатита.

В день моего отъезда Игоря переводили в отделение, а Саша оставался в реанимации в тяжелом состоянии.

Когда уже в Воронеже батюшка освящал нашу квартиру, то поразился пасхальному панно. Из остатков обоев наклеена корзина с копиями пасхальных яиц, дети из Центра подарили мне их в дорогу, на память. Работ Саши и Игоря там нет.

З. П. УЧЕТОВА, г. ВОРОНЕЖ

Христианская поэзия

Ты не дай душе своей заснуть,
Успокоившись на том, что есть,
Размечтавшись, будто пройден путь —
Ну, почти! — и можно уж присесть.

Ты не дай душе своей остыть,
Не гореть борьбою со грехом,
Ты не дай ей теплохладной быть,
Отложить спасенье «на потом».

Ты не дай ей, грешной, не страдать —
В скорби Бог намного ближе к нам.
Ты не дай ей зачерстветь и стать
Равною безчувственным камням.

Ты не дай не верить, не любить,
О грехах не плакать в час ночной —
И тогда однажды, может быть,
В Небо будем позваны — домой.

Инокиня Любовь (Коновалова)

День уйдет, его не повторить.
Время незаметно ускользает...
В этом мире нам недолго жить.
Только мы об этом забываем...
Что настанет судный Божий час,
Что душа будет скорбеть, томиться...
Господи, спаси, помилуй нас!
Дай нам силы в вере укрепиться!

Е.Х., г. Елец

О ПРАВЕДНЫХ ИОАКИМЕ И АННЕ И РОЖДЕСТВЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Постились, молились и праведно жили,
Всю жизнь свою чадо у Бога просили,
Надеясь, пред Богом молитву творили
И жертву по праздникам в храм приносили.

Хоть скорби безчадства от ближних терпели,
Но жили в согласьи, друг друга жалели.
Хоть слезы отчаянья лились из глаз,
К Всевышнему оба взывали не раз...

И Бог милосердием к ним снизошел.
Вот Ангел Господень на землю сошел.
Скорбящая Анна сидела в саду,
Молясь, вопияла как будто в бреду.

Вдруг Ангельский глас услыхала она:
«Услышана, Анна, молитва твоя.
Великое чадо ты миру родишь,
Чьим семенем роды земли удивишь!»

Иоаким в пустыне в молитве стоял
И Ангела голос сквозь плач услыхал:
«Принял Всевышний молитвы твои,
Он дарит вам дочь — вытри слезы свои».

И в срок родилась, и росла до трех лет,
Но дали родители Богу обет,
Что будет она только Богу служить
И в храме Господнем до времени жить.

Родителям в старости Отрада святая,
Ты чадо для них, всем — Царица благая,
Великое дело Тебе предстоит,
Над троном твоим Искупитель стоит.

Он должен на землю Тобою прийти,
Врага победить и народ Свой спасти!

В. И. Князева,
Ростовская обл.

Сила креста

В Антиохийских странах явился однажды свирепый лев. Он часто выходил из логовища своего и пожирал встречающихся на пути людей и скот. Сколько ни старались окрестные жители убить его, сколько раз ни выходили со стрелами и оружием против него, – все старания их оставались без успеха. Разъяренный зверь многих из них умерщвлял на месте, иные едва живые и израненные уходили от него; а иных живых он увлекал в свое логовище и там пожирал. Велико было несчастье людей той страны.

Уверившись, что силой здесь ничего нельзя сделать, жители обратились к Богу. В это время в одном монастыре близ этих стран подвизался святой Иоанн Златоуст, когда был еще простым иноком в юных летах. Так как он был уже славен и своей добродетельной жизнью и чудесами, то народ обратился к нему и просил его, чтобы он своими молитвами и ходатайством у Бога избавил их от такой беды. Святой Иоанн дал им деревянный крест и велел поставить его на том месте, где выходит лев. Жители немедленно сделали так и пошли в свои дома.

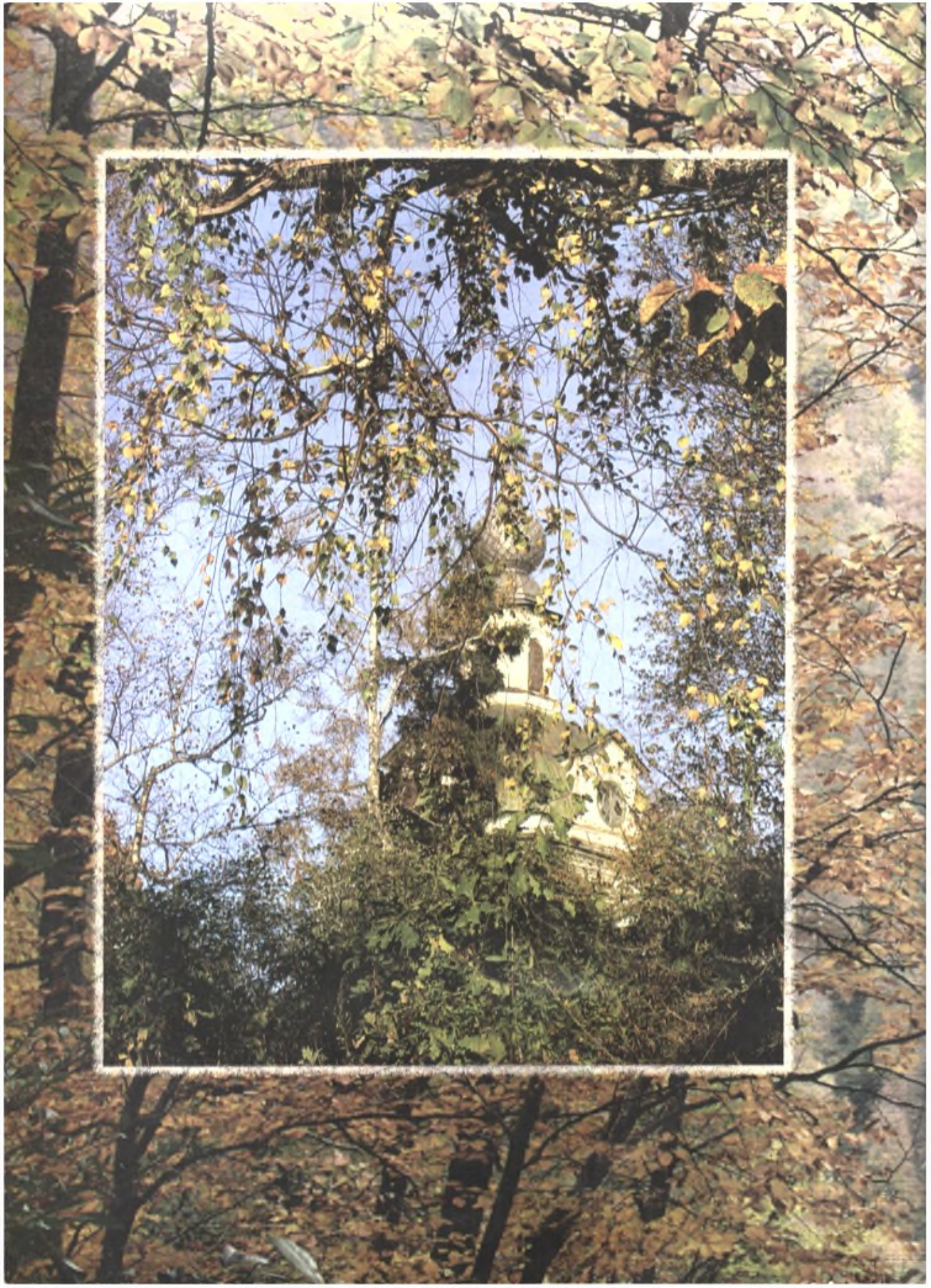
Сила креста и веры блаженного Иоанна не замедлила явиться к славе Божией. Прошло несколько дней, но зверь не являлся. Уже не слышно было о новых несчастьях и бедствиях от него. Тогда со страхом некоторые пошли к самому логовищу льва, посмотреть и узнать, что бы это значило. И, к удивлению своему, к прославлению честного креста и веры Иоанна, нашли лютого зверя, который наводил на всех ужас, мертвым, лежащим у подножия креста.

Честный крест, христиане, служит нам оружием и щитом не от одних только невидимых врагов. Крестное знамение прогоняет от нас демонов, разрушает их козни; но много, очень много найдем примеров и таких, когда крест твердо верующим христианам служил избавлением и от видимых врагов, – там, где недостаточно одной естественной силы.

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

Просим имеющих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можем высылать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
выходит с 2000 г. *Тираж 5000 экз.*
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство *ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.*